

Жити судьбы

ПОГОНЯ ЗА СЧАСТЬЕМ

"Стоит ли любовь риска?!"

Валерия Журавлева

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерия Журавлева

Нити судьбы: Погоня за счастьем

«Автор»

2021

Журавлева В.

Нити судьбы: Погоня за счастьем / В. Журавлева — «Автор», 2021

Вторая часть серии романов "Нити судьбы". Амиран, один из международных влиятельных бизнесменов, прилетел в Москву, чтобы раз и навсегда связать себя узами брака с сестрой лучшего друга. Мирослава, вольная дочь генерал-майора, вернулась домой вслед за отцом, гоняющимся за звездочками на погоны. Одна встреча, один взгляд, один поцелуй изменили всё. Страсть, секс, смерть, война между семьями, месть, предательство брата, венчание, прощение. Все тайны будут раскрыты. Спустя 5 лет Мирослава летит в место венчания, чтобы проводить своего мужа навсегда, но даже не предполагает, что ее ожидает. Содержит нецензурную брань.

© Журавлева В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	17
Глава 6	28
Глава 7	35
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Валерия Журавлева

Нити судьбы: Погоня за счастьем

Глава 1

5 лет назад, Милан

Мирослава

Я всегда любила летать; это ощущение взлета захватывает дух и заставляет твой мозг думать немного иначе. Когда ты отдаешь контроль за свою жизнь пилоту, появляется время подумать о чем-то действительно важном. Больше всего я любила летать с ним: смотреть, как он работает в этот момент, или заниматься сексом в самолете. Я четко помню тот момент, когда решила быть с ним, помню, как тогда мы улетели в Европу и провели прекрасные дни в Катании. И если бы сейчас у меня кто-то спросил: "Поступила бы я иначе, зная, что всё так закончится?", я бы ответила: "Нет". После первого взгляда в глаза было понятно, что этого не может не быть. Я бы отдала всю жизнь за время с ним, но я не знала, что оно так быстро закончится и что я отдам за это больше, чем свою жизнь – я буду платить каждый день болью потери.

О чем я жалею? Только о последних сутках, когда сказала ему, что не хочу от него ребенка, о том, что он мне противен, о том, что, видя его в последний раз, сделала ему больнее всего на свете. Месяц на больничной койке заставил меня многое переосмыслить. Я любила его. Знала, кто он, и уже тогда принимала его таким, какой он есть, со всеми его поступками, шрамами и любовью.

Говорят, что девочки выбирают мужчин, похожих на своих отцов, а он был его копией. Какая теперь разница, что произошло между ними? Зачем искать в этом виноватого? Нужно просто жить дальше. Папа. Я вытерла одинокую слезу; такого предательства я не ожидала. Я не представляю, как от этого всего вообще можно оправиться.

– Как думаешь, мы сможем вернуться когда-нибудь? Я хочу домой, – тихо спросила Руслана, сама не понимая до конца, а хочу ли?

– Не думаю, Мира. Твой отец в очень тяжелом состоянии. Если он очнется, то найдет тебя тогда, когда это будет нужно и безопасно, – коротко ответил Руслан.

Смешно: безопасно с ним? Мой мозг вообще отказывается думать, сопоставлять и предполагать. Я прекрасно понимаю, что отец может не выбраться из комы; прошло два месяца. Корю себя за то, что не могу в такую трудную минуту находиться рядом с мамой, поддерживать ее, а больше всего мне больно от того, что она думает, что я мертва, и вынуждена была меня похоронить в одиночку.

– Мама, я хочу к маме, – руки дрожат, ком подступает к горлу вместе со слезами, накопившимися в тяжелых веках.

– Или ты сейчас успокаиваешься, или я вкалываю тебе снотворное. Выбирай. Ты должна понять, девочка, что они убьют тебя, как только ты появишься, и это не самое плохое, что может произойти. Я понимаю, что ты только неделю как пришла в себя, но пойми, Слав, мир, который был у тебя до сегодня, – этого мира больше нет, и тебя могло бы не быть, а ты здесь, целая, красивая и почти здоровая, – холодно закончил он, беря в руки газету.

– Спасибо, я успокоюсь, – коротко ответила, последовав за его примером, размышляя о том, что мне предстоит, и о том, как жизнь быстро меняет свое направление.

Долгий перелет эконом—классом со всеми регистрациями, дорога на такси, чтобы оказаться в тихом и красивом районе Милана. Мы вошли в огромную светлую квартиру. В этой квартире я никогда не была. Руслан шел сзади и катил маленький чемодан, в котором были все мои вещи, нажитые за семь дней у Волка в особняке. В этой квартире уютно, не холодно, огромный холл; гостиная соединена с кухней, и есть терраса с небольшим садом, на которую выходят, конечно, панорамные окна—двери. Слезы снова подступили: ничего здесь не напоминает о нем и в то же время всё его: стиль, запах.

– Здесь очень красиво, – подошла к окнам. – Что нам теперь делать, Рус?

– Что тебе делать, Слав? – он выделил слово "ТЕБЕ".

И я прекрасно знаю, что он уйдет из моей жизни, как все остальные.

– Просто жить. Его больше нет, но это всё он оставил для тебя, – обвел руками шикарную квартиру и достал конверт из своей сумки, кинув его на стол. – Часть большой империи, которую удалось сохранить.

– Я не могу без него, Руслан, не смогу, – с опаской смотрю на конверт.

– Ты привыкнешь, – усмехнулся он, в глазах океан боли.

– А ты не останешься? Я не знаю, что с этим всем делать, я совершенно одна. Господи! – закрыла лицо руками. – Я потеряна, – меня пугает всё, даже чувство одиночества.

– Я ведь больше не нянька, Слав; мне самому нужно во многом разобраться. А если понадобится помощь, звони Волку, он организует ребят. А ты, Слав, живи, пожалуйста, так, будто его и не было, и помни, что тебя тоже больше нет, – крепко обнял меня, закусив губу. Мы оба плачем, хороня себя заживо. – Я просто не могу сейчас остаться, мой друг, не могу, – тихо говорит он шепотом.

– Понимаю. Да, больше нет. Спасибо тебе за всё и удачи, – отошла и смотрю на него, как на последнее, что связывает меня с тем миром, с той жизнью. – Возвращайся, пожалуйста.

– Письмо от него, Слав, – его губы дрогнули, когда он указал на конверт.

– Да, спасибо, прости меня, Рус, что так всё вышло, – закусила до боли губу, чтобы ничего не сказать. Я прекрасно знаю, за что прошу прощения.

– Ты не виновата; не заставляй меня винить и ненавидеть тебя. Всё так, как должно быть, – он вытер слезу. – Давид привезет мелкого через пару дней, когда утрясёт вопрос с бумагами. Прощай, Славка, – он выдохнул и ушел.

Дрожащими руками я развернула конверт и не могу поверить, глядя на эти буквы, написанные его красивым каллиграфическим почерком:

"Если ты читаешь это, значит, жива – это то, чему я очень рад. Ты – весь мой мир, Мировслава. Всё, что есть в этой квартире, деньги, машины – всё твоё. В кабинете ты найдешь документы, которые позволяют тебе стать владельцем и главой компании, подпиши их, пожалуйста. Эти три месяца – лучшее, что случилось в моей жизни. Прошу тебя, живи дальше, снова люби, ведь ты еще так молода, моя маленькая гога. Моё сердце с тобой вчера, сегодня, завтра, навсегда. Твой муж, Амиран."

Слезы полились рекой; ничего не хочу знать, слышать, жить. До сих пор не понимаю, зачем я осталась жива, почему Тугушев, который ненавидел его, оказался там, где нужно, почему вытащил меня после всего, почему помогает мне? Зачем отец так поступил со мной и с нами?

Вытирая слезы краем черной футболки, я прошла по комнатам: спальня светлая и большая, тоже с выходом на террасу. У стены стоит картина, завернутая в бумагу. Я села рядом и начала разворачивать; там наше фото с ним, черно—белое с венчания. Этот мужчина разбивает мне сердце даже после своей смерти.

Послышался звонок в дверь, это напугало меня.

– Мисс Герра, для вас цветы, – сказал невысокий парень в футболке одной из служб доставки, держа в руках огромный букет из белых пионов.

– Вы не ошиблись? – только не сейчас.

– Вы мисс Герра?

– Да, – вспомнила свою новую фамилию.

– Это ваше, распишитесь, – он бегло говорил на английском, протягивая мне планшет.

– Спасибо, – расписалась и закрыла за парнем дверь. В букете торчит белая карточка.

"С новосельем, моя вольная птичка. Твой Муж."

Чёртов урод! И если бы он сейчас был жив, я бы убила его ещё сто раз за то, что он берёт мои раны. Нервно рассмеялась, поставила их в стеклянную вазу, что стояла в прихожей.

– Больше жизни, Амиран. Больше жизни, любовь моя, – села рядом с цветами, смотря на наше фото и размышляя о новой жизни без него. Убита, полна невыразимой боли и ложной надеждой.

Как я буду жить дальше? Внутри меня всё выгорело до тла.

Глава 2

Настоящее время, Милан

Мирослава

– В каком коматозе я была, что позволила тебе выбрать такое идиотское имя для меня? – дразню. Подкурила толстую сигарету с фильтром, надевая черные очки—кошки, защищая глаза от палящего итальянского солнца.

– Славка, прости меня; я думал, тебе нравится мое имя, ты так часто меня Русиком называла, – смеется парень, попивая свой коктейль.

– Я так рада, что ты вернулся, Рус. Фантазия у тебя, конечно... Я скучала по ней и по тебе, – смею от души, мысленно поглаживая свои затянувшиеся раны.

– А я рад, что ты смеешься, Лана, – взял меня за руку. – Мальчишку простила?

Это он про Петрова. Когда я очнулась, то очень долго не хотела его видеть. Тугушев уговорил меня поговорить с парнем, объяснив, что тогда Яр пытался меня спасти, пока Давид ехал к нам предупредить Амира, что на нас планируется нападение; мой муж не отвечал на звонки. Петров вынес меня на руках из ресторана и всё время находился рядом, пока не очнулась, отменив всю свою работу.

– Да, сразу как ты улетел. Оказывается, он такой храбрый у меня, – посмотрела на серебряные часы на руке; скоро забирать Матвея от репетитора.

– Так вы вместе? – осторожно спросил друг.

– Нееет, – поморщилась, даже думать о таком не могу. Петров – мой брат. – Он в своем репертуаре свободного художника.

– Тугушев? – серые глаза изучают меня и мои реакции.

Просто кивнула, боясь отвечать на этот вопрос даже самой себе. – Мне нужно забрать сына, поедешь со мной? Можешь у нас остановиться.

– У меня есть здесь квартира, спасибо, – грустно улыбнулся. Всё время меня отвлекал его шрам над верхней губой; видно, что жизнь потоскала его за эти четыре года.

– Я рада, что ты вернулся, друг. Когда будешь готов, поговорим, а так жду завтра в офисе; введу тебя в курс дел, мне не нравится начальник охраны, которого рекомендует Давид, – встала, кинув свой ноутбук в черную сумку.

– До завтра, – улыбнулся. Его улыбка греет мне сердце, возвращая в те беззаботные дни на острове. И делает больно напоминания обо всем, что произошло после.

Пригладила атласную голубую юбку, задирая её чуть выше колен, чтобы удобно было вести свой шоколадный Porsche Cayenne, поправила прозрачную блузку кремового цвета, застегнув последнюю пуговицу. Всю дорогу до дома мистера Ричи в моей голове крутились воспоминания о том, как Тугушев, он же Волк, вытаскивал меня из самой жопы.

Пять лет назад. Милан.

Как только дверь за Русланом захлопнулась, я начала пить. Очень много пить и курить, напивалась так, чтобы заглушить ноющую боль в груди, которая ни на секунду не оставляла. Прокручивала в голове наше последнее утро с посещением его могилы, с фото Ди со свадьбы с Дато и фото моей матери у больничной кровати отца, который, в конечном итоге, умер. И

самое страшное – во мне было столько ненависти, что я больше радовалась его смерти, затем стыдила себя за это, а потом снова радовалась – и это повторялось бесконечно.

Я добивала себя, стараясь забыть; если бы у меня был выход на наркотики, они бы тоже пошли в ход. Благодарна Богу, что не было. Не знаю, сколько тогда времени прошло, когда Давид ворвался в квартиру и загнал меня в ванну, вымыв дочиста, проверив все вены на наличие уколов, заставил сдать мочу, усадил трясущуюся на стул в одном полотенце.

– Ты долбанулась?! – мужчина в идеально белой рубашке и начищенных туфлях спокойно говорит, излучая гнев; ходит нервно вокруг, сжимая кулаки.

Давид всегда идеален; его лысина и борода превосходно сочетаются, он сексуален, но тогда у меня не было никаких сил, чтобы это оценить.

– Ты понимаешь, что ты творишь?! Там, – чуть громче, указывая куда-то, – сидит маленький потерянный мальчик, у которого есть единственный шанс на нормальную жизнь, и это ты! – ткнул в меня пальцем. – Ты сидишь и жалеешь свою жопу, запивая сигареты бухлом. Тебе жить не хочется?! – карие глаза уставились на меня с просьбой и мольбой.

– Я... я, – не могла ответить, потому что была в шоке; его напоминание о Матвее заставило меня задуматься, вспомнить про обязательства, которые я решила взять на себя, когда очнулась и узнала, что у него не осталось никого.

– Я тебя спросил, тебе не хочется жить? – внезапно схватился за полотенце у моей груди и потянул на себя так, чтобы мы были лицом к лицу. От него исходил жар ярости, хоть внешне он и холоден.

– Я не знаю, – всё, что могла выдать из себя.

– У тебя миллиарды на счетах, отличный выстроенный бизнес, но это всё хрень, Мировослава, – рычит сквозь сжатые до скрипа зубы. – Маленький мальчик уже две недели ждет, когда за ним придет его любимая Мировослава. Мальчик, которого бросила мать и у которого умер отец. Мальчик, который провел последние пару месяцев в детском доме. Он остался совершенно один! Ты представляешь, какую боль он испытывает? Ты представляешь его страх? Зачем ты просила привезти его сюда, чтобы он смотрел на алкоголичку? Зачем ты дала ему ложную надежду на счастливую семью? – он со злостью отпустил меня, отталкивая от себя. В дверь позвонили, и кажется, он сам был счастлив отдышаться после этой нотации.

Дрожу, прижимая белое полотенце к себе; мой мозг напрочь отказывался всё воспринимать.

Давид вошёл в комнату с пакетами и прошёл мимо меня на кухню. Запахло едой, и мой живот скрутило в спазме, напоминая о том, что в нем давно не было ни крошки.

– Ты когда последний раз ела? – бурчит что-то, выкладывая на барную стойку.

– Не помню, – честно призналась, осмелившись посмотреть в его глаза.

– А я тебе скажу: когда улетела из моего дома в Москве, а что врачи говорили? – что-то моет в раковине.

– Говорили, что мне нужна диета и витамины, – бубню. В голове начали появляться воспоминания о жизни в его доме в Москве и о том, как я просила Давида забрать Тигру из детского дома. Чувство вины захлестнуло меня.

– Иди ешь, потом со всем разберемся, – скомандовал.

Он стал у кухонной гранитной поверхности и уставился на меня, как я неуклюже усаживаюсь на барный стул, беря в руки ложку. Я съела всего лишь две ложки куриного бульона, и меня накрыла истерика с ужасным чувством ничтожества. Меня начало трясти, и всё моё нутро готово было вывернуться наружу от переполняющих меня эмоций.

Он просто подхватил меня на руки и вместе со мной лег на диван, укладывая меня на себя; моё полотенце давно валялось на полу, но никакого стеснения или искр между нами нет. Он бережно накрыл меня мягким серым пледом и начал гладить по волосам, пока я плачу и прошу прощения, говорю о том, что так больше не буду.

– Я забыл, что ты еще молода и что потеряла всё разом, прости, – шепчет. – Он погиб не для того, чтобы ты сейчас себя убивала, а бизнес свой оставил тебе, потому что знал, что ты сможешь. Это всё, что он создавал годами; ты же не можешь просрать это? Хотя я не верил в это и сейчас сомневаюсь, что ты удержишь, но он верил...

– Бизнес, – слезы хлынули новой волной на его рубашку. – В то утро я сказала, что не хочу от него детей, – воплю.

– Я найду тебе хорошего психолога, мы справимся, – он поцеловал меня в волосы, и это подействовало на меня успокаивающе.

В ту ночь я поняла одну вещь: алкоголь или наркотики никогда не решат проблему, я всего лишь отодвигала эту лавину воспоминаний и чувств всё выше и выше, а когда хрупкий забор рухнул, эти камни накатили на меня с новой мощной силой.

Тогда Тугушев жил со мной неделю, заставил сдать все анализы, чтобы проверить, есть ли в крови наркотики или нет; всю работу перевел домой, нам доставили несколько мониторов, чтобы было удобно погружаться в дела. Проконтролировал, чтобы я подписала всё до последней бумажки, и в конце недели я уже была полноправным обладателем нескольких веток успешного многомиллиардного легального бизнеса и матерью пятилетнего Матвея, ради которого должна быть сильной. Наверное, они оба вернули меня к нормальной жизни и заставили перестать жалеть себя.

Глава 3

– Мам, мам, над чем задумалась? – на пассажирское сиденье сел мой Матвей, закидывая портфель на заднее сиденье.

– Подумала, что мы давно нигде не были, – я потрепала его русые волосы, которые уже можно собирать в маленький хвостик на макушке. – Не хочешь состричь?

– Нет, ты чего! Это модно, мы отращиваем с Яриком, – возмутился он. – Куда ты хочешь, мам?

– Пора нам посетить одно место в Грузии, – тяжело вздохнула я. Рядом с этим юнцом я чувствую только жажду жизни. Каждый раз благодарю Бога за него, за то, что мы есть друг у друга, и за то, что Он распорядился оставить меня в живых после четырех огнестрельных ранений.

– Грузия? Вот это выбор! – закатил глаза, – Я думал, мы полетим на Бали, например, – возмутился он, увлеченно смотря в свой телефон.

– Бали? Колись, вы что-то затеяли с Давидом? – я отобрала у него телефон.

– Ну, мам! – он засмеялся. Это самый приятный звук для меня. – Ничего мы не затеяли.

– Ладно, я у Давида спрошу, – я глянула на экран; переписка с Тугушевым.

– Мам, нельзя читать чужие СМС, – он выхватил у меня телефон и принялся что-то печатать. – Отвезешь меня к Яру в агентство, у нас подготовка к показу.

– Ты участвуешь? – удивилась я. Вот это да! Матвей, конечно, очень красивый и высокий для своих 10 лет.

– Я учусь фотографии, Яр учит. Мне нравится, мам, – заинтересованно сказал он, его зеленые глаза горят, как огонечки.

– Давай купим тебе камеру, – предложила я.

– Нет, не надо. Яр говорит, что самый приятный момент – это когда ты зарабатываешь на неё сам, покупаешь самую первую, пусть даже недорогую. Тогда будет стимул расти, – рассуждает он.

Друг, конечно, не перестает удивлять. Это мудрые слова, но нужно поговорить с этим полуголым проповедником.

– На показах будешь зарабатывать? – пристально смотрю на него, пытаюсь уловить нотки лжи.

– Да, буду участвовать и ещё помощником фотографа, – сама невинность; глаза отводит в пол.

– Только не говори, что Петров берёт тебя с собой на съёмки в стиле ню, – вздыхаю, но стараюсь не показывать своего возмущения. Ну точно вставлю ему по первое число; в мыслях уже ору на него матом.

– Нет, честное слово, правда—правда, – сыграл испуганный взгляд.

– Хорошо, верю, – выдохнула я; не хватает мне потом ещё разбирать сексуальные вопросы, хотя в этом мне проще. Наверное, потому что мы больше как брат и сестра.

– Ланочка, – хитрый лис облокотился головой о моё плечо.

Так мы доехали до студии Петрова. Я не стала заходить; договорились, что он привезёт моего мальчика домой, как они закончат.

После нашего разговора с Петровым и его участия в жизни Матвея я начала по—другому на него смотреть, начала больше доверять, и где-то мне даже было стыдно за то, что я обвиняла его во всех смертных грехах. Петров стал для меня одной из опор после всего произошедшего.

Подъехав к высокому зданию, прокручиваю в голове, как буду говорить мужчине о своём желании уехать на месяц. Поднимаюсь в лифте в его квартиру, молясь про себя, чтобы его там

не было. Мне нужно время, чтобы чуть прийти в себя и обдумать встречу с Русланом. Я всё ещё храню от него очень жестокую тайну, и теперь, когда мне придётся сталкиваться с ним каждый день, боль будет отголосками терзать моё сердце, до тех пор пока я не признаюсь.

Вошла в просторную квартиру в стиле лофт с большой деревянной лестницей. Всё в темных тонах, я бы даже сказала, черных, но теплых, без лишних ваз, но с огромным количеством разноразмерных картин и фотографий, среди которых есть и мои. Слышно, как он разговаривает на испанском по телефону. Оставляю сумку на полу в прихожей около большого комода, снимаю серые лодочки и на цыпочках иду к нему. Вид здесь потрясающий, конечно, но я отказываюсь жить в его квартире. Он понимающий, дал мне полную свободу и не настаивает. Так мы и скитались по отелям, офисам, и всё чаще теперь встречаемся здесь.

Закрывает его глаза ладошками, которые тут же получили десятки маленьких поцелуев.

– Привет, красавица, – попрощался с собеседником и повернулся ко мне.

– Привет, – с выдохом обняла его обнажённое татуированное тело. Этот мужчина тщательно следит за своей внешностью, чтобы быть Аресом в этих рваных джинсах на голое тело.

– Если ты не скажешь мне, что только проснулся, то я подумаю, что ты вылез из постели какой-нибудь нимфы, – знаю, что ему понравится намек на ревность. Я знаю всё, что ему нравится, и, наверное, мне это тоже стало нравится.

– Если я увижу твою ревность, то именно так и скажу, – поцеловал меня в щеку, взяв мою руку, чтобы проверить безымянный палец на наличие кольца.

– Я забыла его в ванной, когда принимала утрое душ, – вру; мне попросту неуютно в нём. Я всё ещё иногда чувствую себя предателем, особенно в большом кожаном кресле в офисе.

– Понятно. Не забывай, хорошо? Оно тебе очень идёт, – цепляет губами мою губу. Его благородство медленно, но верно убивает мою защиту.

Целует мои пальцы ещё раз. Ловлю себя на мысли, что этот мужчина всё больше проникает ко мне под кожу и начинает мне нравиться. Я стала испытывать к нему много теплых чувств.

– У меня к тебе разговор, – мычу в его плечо, в то время как крепкие мужские руки начали своё путешествие по моим бедрам.

– Ты знаешь, когда, чертовка, сейчас любой спор будет в твою пользу, – отстранился от меня, чтобы посмотреть в глаза. – Что-то мне подсказывает, Лана, что мне не понравится твоё предложение.

– Оно выгодное для обеих сторон, – заверяю я, заправляя рыжие волосы за уши; к ним привыкла так же быстро, как и к своей новой легенде.

– Говори, – улыбается, почесывая бороду, прижав меня к своему твёрдому члену, который грозит порвать ширинку.

Ну, конечно, говори. Я горячая, как вулкан; этот мужчина однозначно умеет соблазнять.

Тяжело вздохнула, смотря в потемневшие глаза. – Не сейчас, – шепчу; мне не хочется портить этот момент. В голове промелькнула мысль о том, что я люблю его, всего его, как-то по—другому люблю, не как Амирана. Я люблю Тугушева как-то спокойно.

Наша первая нормальная близость состоялась года три назад, после трёх месяцев активных ухаживаний, свиданий, бизнес—встреч и множества соблазнений уже от меня. Я не буду врать себе, мне нравились эти игры с Волком, я получала и получаю от них удовольствие. Я обожаю его соблазнять; вижу в нём зрелого мужчину.

Особенно, когда поняла и приняла тот факт, что генерал меня предал, его больше нет, и мне больше не нужно оправдывать чьи-то ожидания. Да и формат отцовской любви, где тебе запрещают, ущемляют и используют, мне не подходит. Мощный бизнес быстро заставил меня повзрослеть и понять, что дальше буду жить только я; решения будут мои, и ответственность за них нести только мне. С той минуты всё как-то ушло на задний план: стыд, вина, смущение.

Плюс регулярная терапия делает своё дело.

Давиду надо отдать должное; он был очень деликатен в своих ухаживаниях. Помню, как он оставил меня на пару недель для того, чтобы я хорошо подумала и отпустила прошлое. Так я и сделала, а потом сама приехала к нему в офис с вином, в одном осеннем тренче и жутко сексуальном французском кружевном белье. Он позволяет мне реализовывать все фантазии, хотя иногда они и сводят его с ума, даже заставляют робеть или краснеть.

Толчком, скорее всего, послужили его отношения с Матвеем; он прекрасно выполняет роль отца, он и является его отцом по документам, да и в жизни.

– Ты меня убиваешь, – шепчет он.

Его ловкие руки быстро избавили меня от юбки, он подхватил меня под попу и понёс в свою огромную спальню с круглой белой кроватью. По пути я стащила с себя блузку и лифчик.

Аккуратно уложил меня в кровать и начал покрывать всё моё тело поцелуями; его щетина щекочет мои бедра. Без стеснения стащил с меня трусики, засунув их в задний карман джинс – один из его фетишей.

– Давид, – протянула в мольбе, когда его язык прошёлся по клитору. Руки сами хватаются за его голову, подтягивая ближе; мне это нужно, разрядка, я хочу взорваться, пока его язык терзает меня, его руки сжимают мои ягодицы. – Ещё, ещё, ещё! – приказываю.

– Да, моя ненасытная демоница, – его смех отдается вибрациями в моей пылающей сердцевине.

К языку подключились толстые пальцы, проникая внутрь, ища ту самую точку. Пара нажатий, всасывающих звуков, хлюпаней, чмоков – и я разлетаюсь, опрокидывая на лицо подушку, крича в неё, выгибаюсь; слышу его смех, чувствую горячую головку члена.

– Нет, нет, нет, – бессвязно ошупываю его рельефное тело, пытаюсь оттолкнуть.

– Да, да, да, – слишком коварно.

Дразнит, вводит головку и исчезает; для набухшей киски, испытавшей оргазм, это уже слишком.

– Пожалуйста, – хныкаю, хватаюсь за его руки, не открываю глаза, забываю о стыде и обо всём.

– Дааааааааа, – медленно входит в меня до упора.

Его член толстый и чуть загнут вверх; с каждым новым движением он задевает ту самую точку, и его обладатель прекрасно понимает, как разрушительно это действует на меня. Наклоняется ко мне, подхватывает под попу, помогает себе, направляя меня на член.

– Да, да, да, – киваю, смотря в черные глаза, на губы бантиком, кусаю их от переизбытка эмоций и чувств.

– Ахахаха, – хрипло смеётся, нежно захватив губы в поцелуе. Такт поцелуя никак не сравнить с нарастающими поступательными движениями его бедер.

– Ещё, ещё, – молю прямо в губы, цепляясь пальцами за мощную спину.

– Да, дарррр, Лана, да! Да! Да! – подводит нас к финалу, облизывая мои губы, щеки, шею, грудь.

Взрываюсь, теряюсь в ощущениях, подрагивая бедрами, ловя его последние толчки.

– Лана, ты горячая, – лег рядом, дыша в мою щеку.

– Ты тоже ничего, – язвлю; ему нравится такой подход.

– Ахахаха, – хрипит, водя указательным пальцем по моим губам. – Демоница.

С ним спокойно, плавно, размеренно, красиво, без грязи и пошлостей, без игрушек, ремней и грубости. Он не хватает меня за волосы и не ставит на колени. Давид нежно и ласково любит меня каждый раз. Меня это вполне устраивает, но я всё ещё иногда стесняюсь его, сама не понимаю, почему.

– Перейдём к сделке, – сцепил наши пальцы.

– Я выйду за тебя замуж, – это было сказать труднее всего, даже спустя четыре года.

– Но? – тяжело выдохнул он.

– Я хочу съездить в Грузию, слетать, не знаю на сколько: неделя, две, – зажмурила глаза, ожидая его реакции.

– Ого, ты уверена? Полететь с тобой? – спокоен, будто ожидал этой просьбы.

– Всё будет хорошо; я заселюсь в Батуми с Матвеем, а когда буду готова, съезжаю в ту квартиру и церковь, – выдаю на одном дыхании. Вот и всё, сказала: не больно, не страшно, чуть щемит в груди.

– Хорошо, я распоряжусь, чтобы тебе сняли дом; тебя там будет ждать машина. Когда планируешь вылететь? – спокоен. Эти парни слишком хорошо умеют играть в покер, чтобы можно было распознать по его лицу блеф.

– Ты так просто отпускаешь? – не верю, что нет никакого подвоха.

– Я хочу, чтобы ты была счастлива, и если это поможет тебе, да, лети. Его больше нет, никто не заберёт тебя у меня, – серьёзно говорит он, весомые аргументы.

– Спасибо, Давид, – целую его в твёрдую накаченную грудь, сажусь на колени напротив и рассматриваю величавого Ареса.

– Лан, ответь на один вопрос, только честно, – прищурился. Это не добрый знак.

– Честно, обещаю, – облизываюсь, в голове сейчас картинки его тела. Его рука коснулась моей спины, и это заставило меня вздрогнуть.

– Ты больше не пытаешься найти наёмника, чтобы прикончить Дато? – спросил он с мольбой в голосе.

Чёрт, я так не люблю эти напоминания.

– Нет, уже два года. Неужели тебе бы не сказали, милый? – раздражаюсь. Бесит меня своей постоянной слежкой. Откидываю простынь и встаю с кровати.

– Я больше не слежу за твоими действиями, – сообщил он, сидя, опираясь на подушки.

Удивил, конечно!

– Давно ли это? – не верю, но и не поверю никогда. Это он только с виду такой "белый и пушистый" переговорщик. У этого мужчины всё на десять шагов вперёд просчитано.

– С того момента, как принял решение быть с тобой, мы должны же доверять друг другу, – спокойно рассуждает он, смотрит на меня как довольный кот.

Ого, вот это рыцарство! Он поражает меня каждый день своими поступками нормального человека.

– Я же обещала, что больше не буду, это ничего и никого не вернёт. Мой муж мёртв, – осеклась. Чёрт! – Амиран мёртв. Нам надо жить дальше, отчёты по маме хорошие, мне незачем горевать, – закусил губу и отвернулась к панорамным окнам с блестящим видом на Милан, чтобы не расплакаться в очередной раз.

Тёплые руки коснулись моего живота, он окружил меня собой, своим теплом, заботой. – Эй, малыш, всё правда хорошо? Всё хорошо между нами? – тихо выдохнул он. Он называет меня так, когда серьёзно, когда встревожен, когда его необходимо успокоить.

– Да, я прилечу и окончательно перееду сюда с Матвеем, обещаю, – опираюсь на него, люблю гладить его по рукам с черным тату, на них практически не видно чистой кожи.

– Лан, давай сведём эти шрамы, – шепчет он, целует меня в плечо.

– Да, я думала над этим, – отрезала я.

Мне кажется, что эти четыре шрама на спине – единственное, что связывает меня с прошлым, связывает со мной настоящей. Вру, это единственное, что связывает меня с Амираном.

– Ох, женщина, – прорычал он. – Я сделаю всё, чтобы ты задышала полной грудью, – говорит он уверенно. Не поспоришь, он и так делает очень много.

Повернулась к нему, всё ещё находясь в тёплых руках. – Ты знаешь, что для этого нужно сделать, любовь моя, – с опаской добавляю последние два слова.

Никто из нас никогда не говорил друг другу о любви, словно любовь – запретная тема в этом доме. Может, потому что мы оба сильно ранены и с любовью у нас не самые приятные ассоциации. Или потому что теперь мы оба её избегаем.

– Я не возьму его бизнес на себя, он только твой, – жёстко определил он, нападая на мои губы в жадном горячем поцелуе, щекоча своей бородой, от чего я залилась смехом и начала уворачиваться, подставляя свою шею.

– Давид!

– Ты сказала “любовь моя” – он резко остановился и посмотрел мне в глаза.

– Да, я это сказала, – шепчу, смотря ему в глаза. – Как тебе? – с опаской жду ответ, изучая его красивые карие глаза с крупинками зелени, словно ранний осенний лес.

– Давид, Лана! – из гостиной послышался голос Петрова.

– Что они тут делают? – удивилась я, потому что парни должны были ещё работать; только ведь вечерет.

– Они привезли пиццу и вино, малыш, – рассмеялся самодовольный мужчина, натягивая джинсы и серую футболку с открытыми рукавами. Жадно осматривает моё тело и мои жаждущие торчащие соски.

– Ты не перестаёшь меня радовать и удивлять, и спасибо за это, – целую его в губы и иду в просторную белую ванную, улыбаясь от смеха моих ребят в гостиной.

Плачу в очередной раз, стоя под душем, как оголённый нерв. А ведь вопрос решается просто: возьми да продай нахрен или найди управленца и не влазь. Вытаскивать мощную машину, которую оставил мне Тваури, больше нет сил, потому что в каждом решении этой фирмы он, его рука, его взгляды. Каждой бессонной ночью за отчётами и проверками я восхищалась умом этого мужчины, поглаживая кольцо на своей груди, которое храню в ящике стола под замком. Нужно просто набраться сил и смелости и продать всё, чтобы не возвращаться, но как? Ох, уж это чувство долга.

Такие вечера всегда меня отвлекают; здесь все мои беззаботные мальчишки, а скоро к ним присоединится Руслан, и я буду врать себе первое время, что всё как прежде, а потом смирюсь с потерей, утомлю своё ноющее сердце и приму человека, который меня во всех смыслах спас, даже от самой себя. Все они – мои спасители.

Вышла на кухню, но засмотрелась на ночное небо и прошла на террасу. Господи, как всё быстро изменилось.

– Когда улетаешь? – спросил друг, прикуривая сигарету.

– На следующей неделе, как Русу передам часть обязанностей, – говорю прямо, даже нет смысла спрашивать, откуда он знает.

– Зачем? – его лицо исказилось от боли и грусти.

– Я хочу проститься, кажется, что так будет правильно, – тараторю. Моргаю настолько быстро, чтобы не дать слезам хлынуть с большой силой.

– Господи, Мир? – обнял меня он. – Ты не сорвёшься? Хочешь, я с тобой полечу?

– Нет, всё будет хорошо, не стоит. У тебя столько крупных проектов, а я достаточно взрослая девочка, – смеюсь, смотря, как Давид с улыбкой смотрит на нас.

– Как думаешь, он не ревнует? – прошептал Яр.

– Думаю, этот Арес настолько в себе уверен, что нет. И единственный его конкурент мёртв, – это жёстко, но это правда, которую Волк никогда не скрывал.

– Удачливее самого беса. А ты не думала, ну...

– Я проверяла, нет, он не причастен, – перебила я.

– Мама, мы правда будем тут жить? – в нас врзался Матвей.

– Да, как вернёмся из нашего путешествия, – потрепала его по волосам.

– Так, Петров, ты берёшь парня на съемки ню?

Друг отскочил от нас. – Всё, мне пора, оставляю вас тут.

Как же я люблю эту улыбку, ловлю каждый момент, смеюсь.

Глава 4

Все дни до отъезда провожу на работе, рассказывая Руслану, как всё устроено.

Он сразу занялся охраной, проверяет всех сотрудников – от уборщиц до директоров. Вцепился, как цербер, проводя сутки напролёт в своем новом большом кабинете. Договорились выпить пива все вместе после моего приезда. Кажется, что он единственный понимает сполна мою боль, особенно когда речь заходит об Амиране. А в стенах офиса без этого никуда.

В субботу собрала наши вещи в чемоданы от LV, которые мы купили с Петровым. Это моя первая покупка в Италии, тогда я бредила возвращением на родину. Но когда папа умер, эта идея перестала быть реальностью.

На глаза попался край фотографии, которую спрятала четыре года глубоко в белом платяном шкафу – за костюмами, которые не планировала носить ввиду отсутствия отпуска. С опаской отодвинула оставшиеся вещи, убрала коробки и сдернула белую простынь.

А потом я никогда не хотела возвращаться в этот персональный котёл Ада, но всегда хотела увидеть маму, и эта дилемма во мне есть до сих пор.

– О Боже, – дыхание перехватило, – мой муж, – провела кончиками пальцев по холодному стеклу, садясь рядом, рассматривая черно-белое фото с диким трепетом в груди, ощущая миллионы бабочек, которые вот-вот разорвут мою грудную клетку на части. Это бабочки боли, сожаления, грусти, непонимания. Пять лет прошло; там была совершенно сумасшедшая любовь, страсть, которой больше в моей жизни не будет. Он – моя первая любовь. Горько улыбнулась. Любовь, которая оставляет шрамы.

– Лан, – теплая детская рука легла на моё плечо, – ты скучаешь по этому мужчине?

– Да, Мот, скучаю иногда, – заметила, что слёз совсем нет, только легкая дрожь.

– Мы к нему летим? – сел рядом, рассматривая фотографию, на которой мы абсолютно счастливы, смотрим друг на друга; его глаза светятся, словно он победил весь мир, а мои – словно я обрела этот мир в нём.

– Нет, парень, его больше нет, – призналась, ловя сердцем отголоски боли.

Никогда мы не говорили о нём и о том, что произошло тем вечером. Мальчик практически ничего не помнит, и это к лучшему. Первое время он долго звал папу, мы спали вместе год, он даже ходил со мной на работу; потом его часто забирал Яр, подключился Давид. Матвей всегда жил в гуще событий, самостоятельно решая, чем увлекаться, с кем дружить, кому доверять, так и выкарабкались.

– Мам, не грусти, хорошо, у нас есть папа Давид. Он крутой мужик, – упал головой мне на грудь. Господи, как же я люблю его запах, перебирать его волосы, слышать его смех.

– Да, спорить не буду, Давид Робертович бесспорно крут, – рассмеялась я. Нашу идиллию прервал звонок в дверь.

– Я открою, это, наверное, он, – сын подскочил и понёсся к двери в своем смешном летнем костюме с гавайским принтом.

У меня секунда, чтобы вернуть всё на свои места. Дернулась от испуга, словно меня поймали за преступлением.

– Ты готова? – чувствую терпкий запах духов и его неуверенность, которую я никогда ранее не замечала.

– Да, отвезёшь нас? – тычу пальцем на чемоданы, чтобы отвлечь его от разглядывания моих апартаментов.

– Конечно, и заберу, когда прилетите, – взял мою руку с кольцом и ухмыльнулся сам себе. – Надела, всё-таки. Спасибо! – глаза горят, словно в них ожил вулкан. – Успокоение для моего сердца, – посмеялся.

– Да, я не свободная женщина, – нарочно уважила Ареса, садясь в его авто.

– Лана, я надеюсь, вы скоро вернётесь, – держит меня за руку всю дорогу. – Помни, я всегда могу прилететь.

– Помню, Давид, спасибо, – хочу быстрее завершить этот разговор. – Это не займет много времени, обещаю, – на заднем сиденье Матвей уже провалился в сон.

Вот улучшенный текст:

Настроение с раздражённого быка постепенно переходит в заботливого парня, и я забываю о грандиозной свадьбе.

– Да, ты прав, – соглашаюсь, понимая, что проще это, чем продолжать бессмысленные споры, особенно когда мы уже подъезжаем к аэропорту. – Ещё раз стану мамой?

– Да, – он с блеском в глазах, и в его штанах явно проявляется желание. – Врачи ждут тебя по приезду, если это понадобится.

– Врачи? – улыбаюсь, завороченная его губами. – Ты серьезно?

– Да, интересные врачи, разные, – загадочно улыбается он. – Нас ждёт увлекательное путешествие в Азию.

– Хорошо, – киваю, улыбаясь как дурочка. Я просто не могу устоять, когда он заботится обо мне; таю как снег на солнце.

– Вот ваши документы, – он достаёт из бардачка папку.

– О, а я уже и забыла про них. Мы так давно никуда не летали одни, – говорю, беря пакет в руки.

– Почти пять лет прошло, не мудрено, – грустно улыбается он.

– Поцелуешь? – смотрю, как наш сын поднимается по трапу.

– Конечно, – он проморгался, явно о чем-то задумавшись. Схватил меня за руку, притянув к себе, к своей твердой груди. Смочив губы языком, он начал невинный поцелуй, лишь еле касаясь моих губ. Волк всегда такой – он даёт мне настоящий выбор; больше похож на хорошего друга, чем на любовника, хотя по его виду и не скажешь. Да и с либидо у него всё в порядке. Есть нераскрытые секреты, о которых мы ни разу не говорили. А всё потому, что разбирались с моими соплями. Дура! Давно стоит совершить путешествие в прошлое и избавиться себя от всех этих страхов, как от страшного сна.

– До встречи, Ланочка, – отпускает меня, отходя к авто.

– До встречи, Арес, – подмигиваю ему и иду к самолету, с трудом сдерживая слёзы, осознавая, как сильно не хочу с ним расставаться.

Лететь нам почти шесть часов. Матвей мирно сопит в большом кресле, а я решила всё-таки просмотреть фотографии, которые, после долгих уговоров, прислал Петров. Это идеи для его выставки, которая, увы, никогда не состоится. Он порой печалится об этом, но иногда шутит: «Вот был Тваури, ему бы такая идея понравилась – он бы даже проспонсировал. Хотя, знаешь, в посмертной выставке будет больше интереса». Сейчас это кажется уже смешным и не задевает. На фотографиях запечатлены не только моменты с венчания, но и праздники родителей, поездки в Италию. Боже, как он смотрел на моё платье, когда я полностью была погружена в океан и пышную юбку. Я сплю на его руках в самолёте, целуемся на террасе. Вот он показывает мою квартиру Петрову, рассказывая что-то в рваных джинсах и свитере, оставляя впечатление настоящего юноши. А это он – счастливый, выпуская птицу из окна. Господи, когда он успел запечатлеть всё это? Тут целая история длиною в короткую жизнь, и я захвачена ею настолько, что не могу сдерживать слёз; всё воспринимается как прошлое, как огромная часть меня.

На самом деле эти воспоминания очень приятны. Ещё интереснее осознавать, что Давид заполнил собой все мои мысли и пространство.

Мы приземлились в Батуми ночью; город встретил нас приятной прохладой и солёным ветерком.

Как и договаривались, меня ожидал чёрный Audi Q7 на парковке. Погрузив вещи и настроив навигатор, мы отправились в частный район города к вилле, которую забронировала помощница.

Наша вилла, как всегда, на высоте: в ней даже есть бассейн, о котором я не говорила. Но Алина знает приоритеты Матвея и понимает, как он мечтал выехать куда-то подальше от Италии, особенно на острова, поэтому она постаралась привнести атмосферу этих островов сюда.

Но и про меня она не забыла. Вокруг дома совершенно обычные постройки, и мне не нравится выделяться, но внутренняя роскошь и комфорт подкупают, особенно кафе внизу улицы – это превосходно.

Пока что сердце не колотится в груди, и это уже маленькая победа.

Огромная двухэтажная вилла с панорамными окнами; внутри всё выполнено из дерева, стоит белый диван, плазма, столик, небольшая кухня и тентовые шторы, за которыми можно укрыться от всех. Широкая лестница ведёт наверх, где находятся две спальни и небольшой стеклянный балкон с парой плетёных коричневых кресел.

Я выбрала ту комнату, где есть маленький гардероб и огромная кровать, прекрасно осознавая, что Матвей будет проводить большую часть времени у меня. Ему досталась комната в серых тонах – со шкафом и столом для работы.

Уставшие после долгого перелёта, мы оба завалились спать в мою спальню.

Утро началось шумно, потно и жарко. На улице кто-то кричал, мимо проезжали мотоциклы; я не сразу поняла, где нахожусь. Спина вся вспотела, словно за окнами все 40 градусов.

– Ланочка, просыпайся, – у моего носа уже появился стакан воды. – Доброе утро.

– Доброе утро, малыш, – уже и забыла, как это приятно, когда меня будит этот парень. Он жаворонок и всегда так делает, но в последнее время я вставала раньше, а иногда и вовсе не ложилась спать.

– Куда мы сегодня? – спрашивает он, уже одетый, нашёл пульт от кондиционера и включил его без слов.

– Для начала в кафе, поесть, – приглаживаю рыжие волосы.

Смотрю на него, такого самостоятельного в девять лет, и осознаю, что за все пять лет мы даже ни разу толком не отдохали где-то. А сейчас, похоже, у нас есть и время, и средства. Решено: я стану матерью. Может, не самой идеальной, но как минимум старательной и посвящать отдых ребёнку, хотя бы на недельку.

Целую неделю мы отдыхаем, вкусно ужиная в ресторанах, завтракая в кафе, проводя время на пляже. Я наладила режим сна и добавила пробежки по утрам; здесь жизнь бурлит в летний сезон, и мне это стало даже нравиться – здорово отвлекает. Матвей подружился с местными мальчишками и проводит время на улице, полностью счастлив как обычный ребёнок, весь в песке и воде, без итальянского пафоса, но в брендовых шмотках. Если бы не это, то от местных его было бы и не отличить – он стал моим черным угольком с белыми волосами.

Часто ловлю на себе взгляды соседа, который очень похож на моего покойного мужа. Да, именно так: "покойного мужа" – эту фразу я заставляю себя говорить чаще, чтобы не оказаться навсегда в прошлом.

Да что тут говорить, как минимум двадцать процентов местного населения напоминают моего покойного мужа.

Вот и сейчас парень рассматривает меня с неподдельным интересом, сидя за соседним столиком. Мне, как девчонке, хочется заигрывать, и я подмигиваю ему.

– Добрый день, извините, я увлёкся, – он смущённо запинаясь, мило краснея.

– Часто вы так увлекаетесь? – флиртую, мне нравится вгонять его в краску.

– Нет, извините, можно вопрос? – осмеливается он, почесывая свой прямой нос.

– Да, конечно, – уверенно киваю. Ну давай, чем же ты меня удивишь, парень?

– Как вас зовут? – изучает мои голые плечи, заостряя внимание на шраме.

– Руслана, – улыбаюсь во весь рот; давно со мной никто не знакомился.

– Я Бадри, очень приятно, мы соседи, можно? – протянул мне свою большую мозолистую ладонь, присаживаясь рядом.

– Да, присаживайтесь, приятно познакомиться, Бадри, – сняла свои очки, чтобы получше его рассмотреть.

Кажется, он в этот момент перестал дышать. Боже, я уже и забыла, как действую на мужчин, но что-то я всё же не забыла – быть внимательной. – Подождите, Бадри, вы не один из братьев Амирани из грузинских сказаний? – он так напоминал мне Амирана: высокий, с пучком курчавых волос на голове, большие руки, только губы пухлее и невинность в глазах, восторг, любопытство.

– Вы знаете? – удивляется он, наблюдая за моими губами. – Можно вопрос?

– Да, пожалуйста, – отпиваю прекрасный кофе из кружки.

– Откуда вы? – он как будто уверен, что знает. Устроился, словно опираясь на сложенные руки.

– Из Италии, Милан, – смеюсь; по выражению лица видно, что такого поворота он не ожидал.

– Ого. Как вы оказались у нас, наверное, родственники? Я думал, вы местная, – продолжает предполагать он.

Да уж, родственники... – это личное. А чем вы занимаетесь, когда не высматриваете незнакомки?

– Я помогаю отцу в магазине и учусь в Тбилиси, – парень задумался, провёл рукой по зачесанному в маленький хвост на затылке волосам.

– На кого учитесь? – поддерживаю разговор.

– На факультете экономики и бизнеса, – светится, значит, учеба приносит ему удовольствие.

– Так я смогу вас нанять, если мне понадобится новый экономист? Необходимы инвестиции! – опустила крышку ноутбука, чтобы лучше его разглядеть; он определённо мне нравится.

– Да, у меня хорошие учителя, – смеётся он. – И через пару лет я буду нуждаться в работе.

В этот момент его телефон зазвонил. Звонила мама. Парень обречённо выдохнул и ответил на звонок. Ему явно неловко доставать свой старенький мобильник и разговаривать с мамой при мне, так он выглядел растрёпанным. Я, сидя за своим маком, улыбалась во все 32 зуба – глупышка, пора пораскинуть мозгами и переключить внимание на жизнь, которая происходит за пределами моего носа, отложив работу на потом.

– Понял, мам, – чем-то огорчён, произнёс он.

– У вас что-то случилось? – любопыствую, мне хочется ему помочь.

– Да, у отца машина сломалась, а мы должны ехать, – начал рассказывать о проблеме, но потом осекся. – Ничего страшного, Руслана, – вот он, истинный мужчина.

– Это далеко? – уже точно знаю, что могу его довезти, где бы это ни было, моя решительность не остановить.

– Полчаса езды, Хелвачаури – соседний посёлок, буквально на час к учителю, – он вздохнул.

– А давайте мы вас довезём? Я работу закончила, хоть Грузию посмотрим, – начинаю собирать вещи, не давая ему шансов отказаться.

– Если вам не трудно, буду должен экскурсию на обратном пути, – Бадри расцвёл на моих глазах.

– Отлично, мне это нравится, – я вмиг собрала вещи в коричневую сумку. – Матюш, поехали прокатимся.

– Отличная идея, мам! – мальчик мигом побежал к машине, припаркованной возле дома.

Всю дорогу до дома учителя Бадри рассказывает о местах своего детства, которыми мы проезжаем. Он легко находит общий язык с Матвеем. Парень украдкой следит за мной, рассматривая мою спину, а я сосредоточена только на дороге.

– Остановите здесь, дальше я дойду, – попросил он, и я не стала спорить.

– Конечно, как тебе удобно, тогда мы здесь тебя подождём, пройдемся, – заглушаю мотор и осматриваю деревушку.

– Да, спасибо, даже не знаю, как вас благодарить, – он растерян, смущен и счастлив; забавный парень, взял свою чёрную потрёпанную сумку с книгами и вышел из автомобиля.

– Экскурсии хватит, – хлопаю в ладоши от удивления самой собой. Оказывается, быть более живой и открытой не так уж и страшно.

Как же здесь красиво! Летняя природа не сравнима с зимней. Матвеем понравился Бадри, и он решил с ним подружиться и вывести все легенды. Ну что ж, теперь я не увижу этого парня, а Тугушев больше не в списке фаворитов. Собственно, Волк звонил мне каждый день утром или вечером – это приятно, но как-то навязчиво. Второй мой абонент, Руслан, – его звонки я любила; он помогал мне решить много дел за неделю. Единственное, о чём я его умоляла, – это отдохнуть. Вспоминая, как попала на один из его боёв в подпольном клубе...

5 лет назад. Москва.

Когда всё произошло, у моего папы, Бесариона Тимуровича, случился инсульт. Что было у них внутри, я до сих пор не знаю, но о свадьбе Дато и Ди объявили, когда я ещё была без сознания. Когда пришла в себя, Рус тренировался 24/7, и мы практически не виделись. После очередной истерики я умоляла Давида вывезти меня в бойцовский клуб, чтобы он показал мне, что такое боль.

И тогда я увидела его настоящего – оголённого, не весёлого молодого мужчину, который называл меня Славкой, и бойца – хладнокровного, сметающего всё на своём пути. Таким, каким видел его мой муж – жестоким. Руслан убивал, он доводил оппонента до полной нестабильности, издевался над ними, высмеивая перед зрителями. В клетке он был королём. Он вывел из строя четверых за один вечер, и ни один из них не уступал ему по массе. Теперь я понимала, почему Амиран нанял его и за что ценил: этот мужчина со взрывным характером крушил всё, не зная кнопки «СТОП».

– Он под наркотиками? Допинг? – спросила я у Волка захваченная ужасом происходящего, так как творить такие вещи на трезвую голову казалось невозможным для здорового человека.

– Нет, он под болью, – холодно ответил он, будто понимал всё.

Глава 5

Настоящее. Батуми.

– Мам, купим мороженого? – отвлекает меня Матвей.

Я не заметила, как мы оказались возле небольшого магазина со старой вывеской и красными дверями. Давно я таких не видела, последний раз на Юге, когда ездили к морю с родителями. В груди защемило, но больше от приятных воспоминаний, нежели от утраты.

– Если оно тут есть, парень, – за прилавком, усыпанным печеньем и другими сладостями, стоит кудрявая шатенка в голубом сарафане, увлечённо разговаривающая с взрослой женщиной, у которой на руках крутится кучерявый темненький малыш.

– Добрый день, – здороваюсь, с любопытством рассматривая местных женщин. Они мне нравятся: высокие, статные, с точёными чертами лица, звонко смеются.

– Добрый, – девушка отвлеклась от разговора и обвела меня взглядом своих зелёных глаз.
– Мам, а Бадри брать? – Матвей уже вовсю роется в холодильнике. Интересно, откуда у него такая ловкость?

– Да, он должен уже закончить, – я полностью увлечена малышом на руках женщины, как и он мной, вернее, моими волосами, которые тянет в рот.

– Стой, парень, ты можешь пораниться, – берусь за его маленький кулачок; он такой крохотный, но сильный, чёрные брови сошлись на переносице, а пахнет он изумительно – молоком и травами.

– Он обычно так быстро не увлекается, – смеётся его мама, не пытаясь ему помешать.

– У него какие красивые глаза! – рассматриваю красавчика. Ореховые зрачки пленили меня, маленькие ручки пытаются ухватиться за плечи сарафана.

– Весь в отца, – посмеивается продавщица.

– Можно? – протянула руки, мне так хочется его поддержать, прижать маленькое тельце к себе, вдохнуть запах кудряшек.

– Да, Тамара, – представилась она, передавая мне в руки этого мальчика. – А он Тимур.

– Тимур, значит, приятно познакомиться! Я Руслана, можно просто Лана, – блестящие глазки шарят по моему лицу, что-то выискивая. Он звонко смеётся и хлопает маленькими ладошками. – Парень, ты само очарование! – прижимаю его головой к шее, глажу по головке. Кудрявые волосы щекожут меня.

– Будущий сердцеед, – смеётся Тамара.

– Я бы рада тебя увезти, малыш, – сердце пропустило удар, напомнив о том, что я когда-то тоже могла быть так же счастлива, держа на руках такого же черноволосого сорванца. А может, это моё будущее? От этих мыслей стало тепло.

– Давай к маме, красавчик, – осторожно передала малыша обратно, вытаскивая из его кулачков свои волосы.

– Я купил, мам, – Матвей стоит передо мной с тремя брикетами мороженого и странно смотрит на меня.

– Что? – открываю своё шоколадное мороженое по пути к машине.

– Значит, папа Давид был прав, когда говорил, что нам пора пополнения в семью, – весело рассуждает он.

Я поперхнулась от его слов. Вот это номер, разговоры между мужчинами в ещё не состоявшейся семье слегка пугают. Быстро он всё определил.

– Так Давид сказал? А что ещё он сказал? – искренне удивляюсь, что такие диалоги они ведут давно.

– Только это, – развёл руками, а потом рванул вперёд, оставляя меня одну. – Бадри, мы взяли мороженое, надеюсь, ты любишь шоколадное.

– Спасибо, – парень загружен чем-то, видимо, там мужчина хорошо прополоскал ему мозг.

– Всё хорошо? – любопытствую, хочу помочь.

В который раз отмечая его портфель и думая о том, что нужно было бы подарить другой, хороший, кожаный. Плохо, что я не привезла один из тех, что в шкафу.

– Да, просто истории, – ухмыльнулся он.

– Поделишься? – кусаю мороженое и наслаждаюсь шоколадным вкусом. Давно я не баловала себя.

– Всё потерять из-за любви, стоит ли оно того? – выпалил резко, проводя ладонью по волосам.

Вау. Не знаю, что и ответить. Вот это тема. Мой муж потерял жизнь несколько лет назад из-за своей любви. Что такое “всё” на этом фоне? Деньги? Потерять деньги, авторитет? Ничто.

Потерять жизнь – это всё. Это уже не вернуть, а всё остальное можно было бы вернуть. Вдыхаю, никогда я об этом так не думала, да никто мне так в лоб и не задавал подобных вопросов.

– Серьёзно? Можно так влюбиться, чтобы оставить богатство и всё, ради чего жил? – недоумевает он, очевидно, в вопросах любви кажется совсем невинным.

– Наверное, Бадри, любить-то уж точно так сильно можно, – невольно потянулась к кольцу на груди.

– Вы любили? – резко поворачивается ко мне, продолжая рассматривать мою израненную спину.

– Это личный вопрос, и хватит выкать, я старше тебя максимум на четыре года, – возмущаюсь. – Что вы изучали сегодня? – перевожу тему, чтобы не повисла неловкая пауза, она нам сейчас точно не нужна.

– Извини. Мне нужно сделать проект, бизнес—план к осени, он помогает мне, – смущается.

– Покажешь? – очень интересно. – Я училась на одних пятёрки, – смеюсь, доедая мороженое.

– Тебе правда интересно? Как сделаю хотя бы 50%, обязательно покажу, – парень в восторге от внимания.

Ловлю на себе взгляд его блестящих глаз. – Да, интересно, а что? – краснею с непривычки.

– Ты вымазалась, – отводит глаза, дернулся в мою сторону, но вовремя осекся.

– О, мороженое, – наскоро вытираю лицо, грозя провалиться под землю от стыда. Кажется, я готова с ним заигрывать. Что со мной? В голове всю дорогу вертелся только один вопрос: он же не заигрывает со мной? Это не флирт. Одно дело итальянцы, партнёры Давида, там всё понятно, но здесь всё так искренне и невинно. Мира, Лана, Лана—Мира, да какая к чёрту разница, он юнец, ты вообще в себе?

Матвей больше не отходит от своего приятеля, и мы взяли на себя обязанность возить Бадри к другу на каждое занятие.

Признаюсь себе, что мне хочется увидеть маленького мальчика с кудряшками, и мы иногда встречаемся на том же месте. Я качаю его на руках, наслаждаясь вкусным запахом молока, трав и чего-то до боли знакомого, но слишком неувловимого, чтобы понять.

Приятно находиться среди женщин, как простой маме девятилетнего мальчика. У них очень милые заботы: как приготовить ужин, как отдать сына в детский сад, где отпраздновать годовщину свадьбы.

Я всё чаще ловлю себя на мысли, что мне бы тоже так хотелось просто быть женщиной. Может, это получится? Стоит задуматься о продаже компании директорам, которые давят на меня. Эту ношу тянуть становится очень сложно, корпорация стремительно набирает обороты, и делать всё легально, без откатов, договорённостей, взаимовыгоды, в общем, без политических игр, кажется слишком сложным. Она для меня кажется слишком мощной и сложной, как и мой погибший муж. Его характер и хватка оттуда никаким ветром не выдуть, и я вынуждена признать: чем больше я за его креслом, тем больше узнаю его через дело всей его жизни, тем мне становится страшнее. Я совсем не знала этого человека. Я не знала Амирана Тваури, Амирана Бессарионовича. Я его не знала таким. То, что я видела, – это лишь 5% от него. Конечно, я думаю о том, что было бы между нами дальше, если бы он не умер, и с каждым разом, с каждой подписанной бумагой за последние несколько месяцев я предлагаю себе избавиться от иллюзий об этом мужчине.

Поездку в Тбилиси больше нет смысла сдвигать, нужно решить этот вопрос раз и навсегда. Думаю, мы возьмём с собой Бадри, к тому же он должен мне показать проект, над которым работает по ночам. Этот парень стал частым гостем в нашем доме, его мама часто передаёт нам ужин. Пару раз мы даже ходили к ним с едой и подарками.

– Добрый вечер, Лана, я привёл его, – парень с опаской прошёл в дом.

– Матвей, ты ел? – крикнула мальчишке, который первым делом побежал разговаривать с Яром по скайпу.

– Да, дэда угощала его пирогами, – мнётся у входа, воспитанный.

– Присаживайся, это божественно пахнет, – указала на пакет в его руках. – Пиво, вино?

– Пиво, спасибо, это с сыром, – отложив пирог, принялся внимательно рассматривать документы.

– Что-то увидел? – ловлю себя на мысли, что мне нравится парень, достаточно младше меня. "Как человек, конечно" – это обязательная приставка. Точно не сексуальное влечение. Нет. А может и есть, но это не рационально. Он просто горяч, как и вся молодёжь здесь.

– Это очень похоже на мой проект по добыче металлов. Вау, тебе правда стоит его показать. Потому что я в этой хрени ничего не понимаю, – отпил пиво из бутылки.

– У меня есть к тебе предложение: что ты делаешь в эти выходные? – язык заплетается, словно предлагаю ему не поездку, а переспать со мной. Совсем уже отучилась с мужчинами общаться.

– Ничего, только проект может быть... – невинно смотрит на меня.

– Не хочешь прокатиться с нами в Тбилиси? – откусываю прекрасный сырный пирог с зеленью. – Ммм, боже, как она делает это? Золотые руки, восхищаюсь.

– Ахаха... ну ты же поможешь мне? – подаёт салфетку, старается не смотреть на меня. – Семь часов дороги, уверена, что выдержишь? – забота, наивная, чистая и ничем не прикрытая, не скрывающая подтекстов и манипуляций. Я ощутила себя в теплом коконе любви и хорошего отношения и мое сердце что-то кольнуло.

– Да, мне не привыкать, поедem вечером в пятницу, там есть квартира, обратно в воскресенье или понедельник, – рассуждаю. Хочу, чтобы он поехал, мне будет спокойно за Матвея, да и за себя.

Этот парень радует меня своей неподдельной простотой. Каждый раз смотрю на него и подмечаю, какой же он мужественный, несмотря на возраст. Он так мне напоминает Амираана, ту его мальчишескую сторону.

– Завтра помогу отцу в магазине, и я свободен, – кажется, он сам от себя не ожидал такого решения.

– Отлично, – победно улыбаюсь во весь рот.

Пироги его мамы – прекрасное напоминание о том, что жизнь полна красок и вкусов. Конечно, они напомнили мне мои любимые пироги тёти Мариам.

Вечером в пятницу, надев джинсовые шорты и длинную белую футболку, завершив образ босоножками на высоком каблуке, я привезла нас в аэропорт. Решила не тратить время и воспользоваться самолётом, а там взять авто на прокат.

– Мы полетим? – Бадри напуганно вытирает ладони о шорты цвета хаки.

– Не дрейфь, парень, у нас хороший пилот! – воскликнул Мот, забегаая в самолёт.

– Ты боишься? – осматриваю его полупрозрачную серую футболку, под которой проглядывается тёмное пятно на груди. Хотелось бы мне увидеть эту татуировку.

– Нет, просто это всё как-то... – он смущён, парень, столько всего обрушилось на твою голову с нашим появлением: подарки, бейсболка и новый рюкзак. Я бы подарила больше, но не хочу ущемлять его мужское достоинство, да он и это принял после длительных уговоров.

Мы расселись в самолёте. Матвей получил какое-то задание от Ярика и занимался им на своём айпаде, а Бадри заметно нервничает, сидя напротив меня.

– Могу предложить выпить? – не знаю, как его успокоить.

– Нет, спасибо, – озирается по сторонам. – Всё это... откуда?

– Муж, – хрипло произнесла, слово застряло в горле. – Он владел всем этим, а потом он умер. – Вот так, девочка, погружаемся в реальность, медленно, верно, точно, это происходит с тобой, и это нужно принимать. Так странно говорить об этом новому человеку, совершенно мне незнакомому. Это равносильно тому, что признаю: мой муж всё же мёртв.

– Соболезную, – чёрные густые брови сошлись на переносице, он стал темнее тучи.

– Это было давно, ничего. Лучше покажи свой проект. Или хочешь поспать? – потираю ладони.

Он достал из рюкзака большую тетрадь и несколько листков, среди которых был его почерк, тот самый, что в конверте. Сердце будто стало каменным и начало тянуть вниз. Этого не может быть. Вынула эти страницы, чтобы ближе рассмотреть.

– Лан, всё в порядке? – теплая рука коснулась моей щеки. Я вздрогнула.

– Что? – это как бешеный всплеск надежды, ощущение, будто он рядом.

Грубые пальцы начали гладить меня по щекам. – Лана, что случилось? – парень напротив обеспокоен, всматривается в мои глаза, его губы были в нескольких сантиметрах от моих.

Нет, только не это! Вырываюсь из его рук: – Чёрт, извини, расплакалась, просто почерк так похож на мужа, но у него ровнее всё-таки. – Да, ровнее, Лана, совсем не такой, как тебе могло показаться. Наверное, пора прекращать сходить по вам с ума, Амиран Бессарионович.

– Ты будешь в порядке или убрать?

– Я в норме, извини, – может быть, это была плохая идея взять его с собой; мои выпады, похоже, не закончатся.

Серый плед лёг на мои плечи. – Твои руки холодные, и тебя чуть трясёт, – улыбается.

По правде, мне так нравится эта забота, но не хочется ею пользоваться. Я же даже про наличие девушки у него не спросила! А вдруг у него кто-то есть, и он будет нас сравнивать? Я могу послужить причиной расставания. А спрашивать... он подумает, что я не просто интересуюсь. Чёрт, наверное, нужно было надеть кольцо Тугушева.

Проект захватил нас полностью; он правда напоминал один из проектов Тваури, который был заморожен. Абсолютно такой же подход, только мы поступили чуть иначе, но его живой проект был круче, и, наверное, я пересмотрю свой.

– Скажи, пожалуйста, честно, сколько здесь процентов вложил твой друг? – заинтересована. Мне бы хотелось с ним познакомиться, явно очень интересный мужчина, который, возможно, не отказался бы помочь мне с этим делом.

– Не знаю, по правде, он полгода вкладывает в меня. Здесь он не многое поправлял, только написанные рекомендации, – хвастался, доволен собой.

– Ты не хотел бы поработать у меня над похожим проектом? Можно удалённо, я всё оплачу, – мне хочется дать ему все возможности, которые у меня есть, исполнить его мечту. Это вдохновляло меня и вселяет надежду, что я выйду из этого бизнеса когда-нибудь.

– Ты серьёзно? – растерян.

Да, парень, понимаю, не каждый день на голову сыплются такие предложения от невротичных дам.

– Да, подумай, мы здесь ещё на неделю, – смотрю на него вполне серьёзно и заинтересованно.

Напротив меня сидит целое солнце, которое ослепляет и греет.

– Без надувательства, заключим договор. Проект будешь защищать перед директорами сам, доработки и всё такое. Я познакомлю тебя с отделом, который ведёт проект сейчас. Формальности уладим на берегу, – потираю ладони. Фея—крестная расправила крылья.

– Может, у вас есть конкурс на вакансию? Я хочу, чтобы всё было по—честному! – скромничает. Удивил, так удивил. Умиляюсь этому.

– Есть, и вот это твой пропускной билет, парень. Если тебе нужно одобрение директоров, то как закончишь, я скажу, куда отправить, – смеюсь искренне: какой же он честный, это покоряет.

– Ну не смейся, Лана! Я серьёзно, – рассмеялся, хлопнув ладошкой по лбу. – Кто знал, что ты волшебница?

– Вон тот парень, – указываю на сына, который спит, ничего не подозревая.

В аэропорту нас уже ждал чёрный кроссовер. Заехали в круглосуточный супермаркет за едой и отправились в квартиру. Рядом с парнями мне спокойнее. Всю дорогу я боялась своей реакции на квартиру. Но вошли мы спокойно. Матвей отправился сразу спать в нашу спальню, а я принялась готовить салат с яичницей, пытаюсь не вспоминать, как делала это здесь несколько лет назад.

– Лан, а кто это? – спросил Бадри, рассматривая фотографии на стене.

– Это мой муж, – указала на его самую позднюю фотографию. – Ему тут, наверное, 25.

– Можно вопрос? – внимательно рассматривает каждый снимок и кажется растерянным.

– Да, задавай, – уверенно произношу. Кажется, если я выговорю всё, то это перестанет болеть во мне.

– Он умер таким молодым от чего? – морщит лоб.

– Нет, его убили, когда ему было почти 35 лет. Просто здесь давно не обновляли, – залюбовалась фотографией Амира, на которой он беззаботно улыбается, как Бадри.

– Извини, я зря, – грусть в голосе, сожаление – то, чего никто за все эти годы не проявлял в мой адрес.

Это очень глубоко тронуло меня. Закусываю щеку изнутри, чтобы не пролить слёзы.

– Всё нормально, – чувствую себя слабой от его реакции.

– Мне завтра нужно будет уехать рано утром. Побудете с Матвеем вместе? – перевожу тему.

– Конечно, я буду только рад! Покажу ему здесь пару крутых мест! – восторгается, огонь в глазах.

– Деньги будут в конверте, – указываю на стол.

– Не надо, Лан, хватит! – резко и обиженно.

– Нет, Бадри, мы не вписывались в твои планы, – неловко беспокою его, зная, что у него и так немного свободных денег. Но прекрасно понимаю, что ущемляю в нем мужчину такими выходками, а это совсем неправильно.

– Я в состоянии оплатить проезд, мороженое и пару экскурсий, – руки в карманах, злится. – Ты и так очень много для меня сделала.

– Что, например? – глупо усмехнулась.

– Самое крутое и интересное лето. Возишь меня к другу, и я летел в Тбилиси на частном самолёте, представляешь? – глаза блестят. – На частном самолёте! – восторгается.

– Бадри, – краснею в очередной раз, – хорошо, но все остальные экскурсии оплачиваю я, и если он что-то захочет помимо мороженого, вы вернётесь домой за лари.

– Хорошо, жвачку ему куплю за твой счёт, – поклонился, прикладывая руку к груди, полон сарказма.

Я ударила кулаком в его твёрдое плечо. – Ему нельзя жевать жвачки! – рядом с ним искренне смеюсь. – Пошли есть мои кулинарные шедевры.

Мы просидели на кухне ещё час. Он рассказывал про родителей, как они открывали свой маленький магазинчик, и о том, как бедно жили. Ему вряд ли светило поступление в престижный вуз, но одна встреча изменила его жизнь. Человек, у которого он учится, помог ему за полгода выйти на хорошие оценки и денег не берёт за репетиторство, хотя его семья живёт небогато – как оказалось, это муж Тамары и отец Тимура.

– Он не рад, что я повстречал тебя, и, наверное, не обрадуется, если расскажу про твоё предложение, – не смог скрыть переживания, мнение этого мужчины важно для него.

– Почему? – отпила красное сухое вино из бокала.

– Коба видит, что ты мне нравишься, то, как я рассказываю о тебе, и эта работа, серьёзные проекты, – сидит и смотрит на меня своими яркими карими глазами. Вот куда мне прикажете деться от этого заявления?

– Бадри, давай решим сейчас, я не думаю, что это... – мямлю.

Не дал мне договорить, положил руку на мою щеку и так мило улыбнулся.

– Лана, я всё понимаю, ты очень красивая. Тебя хочется укрыть от всего мира, ты кажешься потерянной, – сожаление в его глазах. – Что же с тобой произошло?

– Короткая, но насыщенная история любви с драматичным концом, – улыбаюсь широко, слёзы покатались по щекам.

– Вас послушать, так лучше не любить, – отпустил руку и отпил вино.

– Я не жалею, – призналась, занимая себя уборкой стола, чтобы не взболтнуть лишнего.

– Знаешь, Коба тоже не жалеет. Оказывается, он потерял свою первую любовь, она умерла несколько лет назад, он тоскует по ней. Я надеюсь, у меня так не будет, – горький смех.

– У тебя так не будет, а теперь давай спать, – обняла его за талию и повела к спальням.

– Ты коротышка, – потрепал меня за волосы своей пятерней, скрываясь за дверью. – Спокойной ночи, солнце.

– Спокойной ночи, – театрально закатила глаза. Тепло разлилось по моей груди, но завтра мне предстоит долгая дорога.

Глава 6

Поехать на рассвете была прекрасная идея. Пока парни спали, я, как мышка, надела джинсы и черную длинную футболку, бейсболку и отправилась в путешествие.

Все было так, как тогда, когда я ехала к нему, переполненная гордостью за своё решение. Ехала менять жизнь, молодая, беспечная, влюблённая по уши. Воспоминания плавно лились рекой: я и плакала, и смеялась, всё выходило из меня – обиды, злость, а затем всё менялось на любовь и благодарность.

Двери храма открыты, рядом новобрачные с десятком гостей танцуют и смеются. Я проживаю всё снова и снова; в груди щемит, дышать тяжело, но я справляюсь. Это прекрасное освобождение.

Стоя со свечой у груди, мне нечего сказать, абсолютно нечего. Если он там и слышит меня, пусть земля ему будет пухом. Сложно ли мне простить себя за любовь к другому? Да, сложно. Но Амиран – это моя совершенно другая любовь, не похожая на предыдущую. Я люблю его и, скорее всего, буду любить до конца своих дней. Останусь гендиректором, создам совет директоров, укреплю позиции в финансовой части, передам её, найму советника, но его детище, которое он доверил мне, я не продам. Никогда не продам. Кому я врал? Оно дорого моему сердцу, слишком дорого. Я смотрю на иконы, в храме начинается красивая грузинская служба. Улыбаюсь во весь рот: моим мужем был грузинский мужчина.

А вот и первая слеза прокатилась по моей щеке. С этим грузинским мужчиной у нас была целая история любви: с красивым венчанием в этой церкви, с перестрелками, романтическими ужинами и страстным сексом, с его собственническими замашками и моими девчачьими выходками. Как же я была молода, как прекрасна я была! Совсем другой человек, и ту другую себя я тоже люблю. И вместе с Амираном хоронить её не хочу, а похоронила тогда, ведь мне было страшно, одиноко, волнительно и больно.

– Амиран Бессарионович, вас было так мало, и вы были так ярки, что я запомню вас до конца. Встретимся в следующей жизни, мой дорогой муж, – выдаю, не думая, ставлю свечу, крещусь и выхожу прочь на солнце, чтобы задышать полной грудью.

Домой ехала быстро, обгоняя всё на своём пути, чувствуя легкость. Будто Бог благословил мои помыслы. Полный сюр, конечно, если посмотреть на то, чем занимаются мои мужчины.

Ребят ещё нет. Прошла в гардероб, где справа висят его костюмы, рубашки и пара его футболок – всё ещё здесь, пахнут им.

– Амиран Бессарионович, вы словно были здесь вчера, – вытираю слёзы. – Нет, не возьму тебя, – уговариваю саму себя, чтобы не засунуть пару вещей в чемодан.

Достаю свою коробку с самым красивым свадебным платьем и бельём; оно пахнет нами с того дня. Оно пахнет свадьбой и жарким сексом.

– Ох, – прижимаю к груди платье и нюхаю его, вздрагиваю.

– Всё в порядке? – на пороге стоит Бадри. – Мот, разогрей Лане еду, – присел рядом со мной. – Твое?

– Дааааа, – горда своим достоянием. – Мы венчались в Мцхете в начале марта, ты, наверное, догадался, что он грузин, – улыбаюсь как дурочка, складываю вещи обратно в коробку. Не хочу делиться, слишком интимно.

Все ещё осознаю, что моим мужем был красивый грузин.

– Оставишь это здесь? – с любопытством осматривает полки шкафа.

– Да, там, куда я вернусь, всему этому не место. – Выдыхаю, провожу пальцами по пиджакам. В голове появляется сумасшедшая идея. – Бадри, у тебя размер почти как у мужа, а он эти костюмы ни разу не надевал, да и не наденет вовсе.

– Нет, Лана, я не могу, может, Матвей вырастет и...

Я рассмеялась в голос, заставив парня покраснеть.

– Поверь, этот модник в гавайской рубашке и через десять лет ни на что не променяет, а эти костюмы состарятся. Это же Дольче, они мечтают, чтобы их носили! Просто примерь, – сняла с вешалки один и сунула ему в руки.

– Мам, Давид не может тебе дозвониться, – в комнату ворвался мой яркий мальчик в рубашке цвета гавайи и синих шортах. Его волосы собраны в пучок на затылке, как у Бадри. Настойчиво протягивает мне телефон.

– Дааааа, – растягиваю слова, как кошка. что-то определённо во мне переменилось, я стала легче.

– Привет, милая, – урчит, как кот, видимо, только проснулся.

– Привет, извини, я ездила... – начинаю оправдываться.

– Понял. Как ты? Всё в порядке? – заботливо спрашивает.

– Да, скоро вернусь, пару дней, – выдохнула, пихая Бадри в комнату для примерки.

– Ты в курсе, что у тебя около десятка увольнений в высшем менеджменте и полная смена охраны? – медленно произносит, видимо, его директора финансовые заделки.

Меня это взбесило; такое ощущение, что позвонил пожаловаться.

– Да, я в курсе всего, что там происходит. От меня требуют одобрения каждого действия, – отрезала.

– Лан, извини, просто хочется, чтобы ты уже рядом была. Да, это задело Волька, и он позвонил мне. В панике объясняться, почему он скрыл какие-то бумаги. А я напомним, его Амиран утвердил перед смертью, не я, – продолжает. – Не знаю, что там за бумаги, не серьёзные какие-то...

Тяжело вздыхает. Всё он знает, но говорить точно не хочет.

– А я озверел тут без тебя, – продолжает. – Если честно, не думал, что наше расставание так меня взволнует.

Слышно, что он напряжён, и это совершенно на него не похоже. Неужели это после того, как я призналась ему в любви?

– Скоро буду, мой лев, у тебя всё? – хочу завершить разговор и продолжать наслаждаться последними днями воспоминаний и моим миром здесь. Его я сюда впускать точно не хочу с вечным контролем и слежкой.

– Может, мне прилететь?

– Нет, я скоро буду. Потерпи, Волк, – это действует безотказно. Сейчас он разве что угол не обоссит, об который я терлась.

– Вертишь мной как хочешь, дьяволица. До встречи, – усмехается.

– До встречи, милый Арес, – сбрасываю звонок.

– Бадри, вот это да! Ты как Джеймс Бонд, нет, круче – как модель из Армани! – воскликнул сын, неумело присвистывая.

Передо мной стоит обворожительный молодой мужчина. Костюм на размер великоват, но сидит отлично и облегает, как надо. Молодой человек покраснел.

– Он твой парень? Даже не отнекивайся, он тебе пригодится! – хлопнула в ладоши и пошла упаковывать несколько совершенно новых вещей Амира. Прекрасно дать им вторую жизнь. С каждой вещью в сумке на душе становилось легче, отпускаю.

Мы провели самые крутые выходные, я смеялась от души, наедалась до отвала. Мы обходили все улочки города, посмотрели все достопримечательности и даже встретили знакомых Бадри, которые занимаются музыкой. Восхитительные закаты на одной из террас, с которой виден весь Тбилиси, песни, танцы, попали под летний дождь. Молодой фотограф тренировался на нас. Вернулись обратно тоже на самолёте во вторник, раньше город нас не отпускал. Грустно

улетать, но я точно знаю, что теперь буду здесь чаще отдыхать. Это место не убивает меня, оно даёт мне силы справиться со всем.

– Ты как там? – обеспокоенный Петров с фоном итальянской музыки.

– Знаешь, прекрасно! Вчера мы напились вина с моим новым другом, пели песни под гитару, и это круто. Не хочу возвращаться, – призналась, стоя на балконе нашей виллы.

– Мне стоит беспокоиться? – смеётся.

– Нет, я подумала, ты хотел выставку, и я готова к ней. – Выпала, вот так просто, запустила механизм под названием Ярослав, и его теперь не остановить.

– Ты серьёзно? – удивлён.

– Да, вполне. Я привезу некоторые его детские фотографии отсюда, – подкурила сигарету. Здесь особенный табак, терпкий и горький.

– Давай прилечу, хочу поснимать тебя, – осекся.

– Да, можно. Извини, вторая линия, Рус, – переключилась.

– Слав, ты в Грузии? – резко. – Где отчёт, я спрашиваю? – орет на кого-то, стук каблучков.

– Ты это мне, какой? – не завидую ответчику.

– Нет, сейчас, – слышался шум и крики на английском, требует какие-то отчёты.

– Всё в порядке? – пытаюсь привлечь внимание.

– Бардак у тебя тут, Вольная. Полный! – выдохнул.

– Не трави душу, знаю, – стыдно, конечно.

– Так, ты в Грузии? – чётко, грубо, куда-то спешит, шуршит бумагами.

– Да, здесь до конца недели, Петров думает прилететь.

– Это хорошо. Я тоже вылетаю к тебе, – хлопают двери.

– Зачем? – ощущаю снова груз, будто встаю в рабочий строй.

– Кое—что проверить нужно. Скажи мне, ты сейфы Бесарионовича открывала?

– Какие сейфы? – прокручиваю в голове весь кабинет, и никакого сейфа там не было.

Только сейчас осознаю, что не рылась нигде за эти четыре года.

– Понятно, у тебя, Славка, тут есть то, от чего нужно бы избавиться. Прилечу, расскажу. До завтра, – резко бросил трубку.

– Петрова прихвати... – говорю гудкам.

Не люблю такие прерывистые диалоги; от них появляется много тревожности, старые страхи начинают вновь овладевать мной, от чего порой становится тошно.

Здесь даже ночью достаточно шумно. Затушила окурочку в пепельнице – нужно бросать. Пахну морем, чувствую себя спокойно после поездки, готовой выйти замуж за мужчину, который остаётся без ответа уже несколько суток. До сегодня не задавалась вопросом, зачем я это делаю; казалось, так должно быть. Он спас меня, и это чувство долга или, всё же, любовь? Мне хорошо с ним, пора признаться в этом.

В обед мы с Матвеем сидим в аэропорту. Этот маленький парень угостил нас молочными коктейлями. В городе зной, не спасают даже джинсовые шорты и свободная белая футболка на одно плечо, а мой малыш подсел на гавайский принт.

– Мам! Папа звонит, – улыбается.

– Да, да, – начинаю заметно нервничать, сама не знаю, почему.

– Лана, – надул губы.

Беру телефон, делаю вдох—выдох. – Да, дорогой, – приторно, сладко.

– Привет, дорогая, – он что-то хочет. – Почему не отвечаешь на звонки? – вздыхает.

– Занята была. Слегка. В понедельник вылетаем к тебе...

– Не играй со мной, Лана, – говорит спокойно. – Я знаю, что Руслан полетел к тебе, – серьезно.

– Да, он сказал про какие-то документы...

– Я просто прошу тебя: не делай резких движений... – перебивает меня четко и грубо.

– Что происходит? Не хочешь объяснить? Или я так и буду в неведении? Никто ничего не говорит. Ты знаешь, что там? Ты всё эти четыре года знал? – выдыхаю с облегчением, что могу хоть с кем-то поговорить про это.

– Матвей! – Петров отвлёк меня, парни обнимались.

– Але, Тугуш, – в трубке гудки.

Ко мне подошла моя делегация серьёзных парней в чёрном. На Петрове шорты и рубашка в любимом стиле итальянца. Рус в слаксах и поло, волосы, как всегда, стриженные под ёжик.

– Ну привет, парни, – обнялись в куче.

– Жрать хочу невыносимо! Слав, вези нас в какой-нибудь ресторанчик, – ворчит, чем-то недоволен.

– Ты его весь полёт терпел? – повернулась к улыбающемуся Яру.

– Представь! – скорчил лицо.

Позже мы сидим на прекрасной веранде с холодным лимонадом, а Рус с кучей национальной еды и ноутбуком перед глазами. Парни делают фотографии ниже по улице.

– Что за дела, Рус? О чем переживает Волк? Он сказал, цитирую: “Не делай резких движений” – глотаю свой мохито, состоящий из одного льда; в такую жару спасает только он.

Задумался, закрыл ноутбук, глаза бегают. Напекаю взглядом “Говори”, поправляя лямку от чёрного топа.

– Ты знала, чем занимается Тваури? – слишком далеко заходит, значит, точно что-то не весёлое.

– Да, знаю, конечно, – вспоминаю весь спектр услуг его холдинга. Да какого дерьма в собственности только нет, от машин до крупных объектов недвижимости.

– Оружие? – смотрит пристально на меня, ожидая реакции.

– Оружие? – мои глаза округлились, не смогла сдержать “восторга”, осматриваюсь вокруг. Ещё бы этого не хватало, холод прошёлся по позвоночнику. – Рус, какое, к чёрту, оружие? Только не говори, что мой покойный муж торговал оружием? – яростно шепчу.

По взгляду на последних словах понимаю, что я права: мой муж торговал оружием. Внутри всё обрывается, вот это сюрпризы. Да, я вообще не знала человека, на котором венчалась.

– Слав, не пойму, ты вообще четыре года не заглядывала ни в какие ящики? И с ним не разговаривала? Твой покойный муж был чертовски влиятельным человеком в узких кругах, – выпучил на меня свои серые глаза.

– Нет, я не знала о сейфах, как-то не до этого было. Конечно, Русик! – срываюсь на крик. – Он малолетке, дочери мента, так и рассказал про все склады с оружием и что он грёбанный торговец, – зажимаю руками переносицу, от волнения трясёт. Тошнота подкатывает к горлу, ощущается, как горькая желчь.

– Понятно. Четыре года назад ты стала владельцем компании, которая занимается автомобильными запчастями по всему миру, – отворачивается от меня, сам в шоке; видимо, наш Бес не только от меня всё дерьмо скрывал.

– Там нет никакой компании, – жестикулирую руками. – Вернее, формально она есть, но она не действующая, остались только склады, – злюсь, потому что это очень проблемная фирма. Он даже с того света продолжает подкидывать мне задачки!

– Мулька у Беса такая была, весь бизнес он с тачек начинал. Она для него дорога как воспоминание, – причитает, стараясь позитивить.

– Русик! Она убыточная, настолько что на восстановление уйдут сотни миллионов, – хлопаю по столу рукой, ища сигареты. Откинула «обещала же, что больше не буду». – Я планирую её продать к чертям; аренда складов только бюджет подъедает. Просто я не могу пока туда долететь, чтобы осмотреть их на предмет машин и запчастей...

Договаривая, понимаю, что там вовсе не машины и запчасти меня ждут.

– Что если я скажу тебе, что она принесёт тебе миллиарды? – сморщил лоб, ожидая реакции.

– Я спрошу у тебя, но? – злюсь, вертя пальцами зажигалку.

– Слав, там оно. Ну, ты понимаешь что. И это на твоём имени, и у этого всего есть покупатель. Очень странно, что эти покупатели к тебе не нагрянули, а всё потому, что Волк очень тщательно всё это время заметал следы, но прокололся. Теперь они выйдут на тебя и узнают, что ты жива, – выдает всё разом, без предупреждения.

– Волк из-за этого в бешенстве? – зло шиплю, начинаю складывать два плюс два.

– Со дня на день все узнают, что ты жива, что все активы Беса у тебя, войдёшь в теновой, – потирает ладони; вижу, что хочет еще что-то сказать, но явно колебался.

– Но? Договаривай, блядь, что я из тебя должна каждое слово клешнями тащить! – не выдерживаю, подкуриваю, дым обжигает лёгкие. В гневе я превращаюсь в яростную женщину.

– Но тебя, скорее всего, убьют. Баб не любят в этих схемах, да и ты как бы мертва. Сама понимаешь, твой отец генерал, муж предатель, остаётся Волк. Если он своим авторитетом вытянет... Ебанный пиздец, Слав! – тихо добавляет, хватаясь за голову, проводит ладонями по лицу.

– Бес, он, – запинаясь на каждом слове, встаёт и нервно хватается за железную спинку стула, сжимает прутья до белых пальцев.

– Никто эти дела не вел. Никто ничего не знал. Это его миллиарды, как он их там потом отмывал, хуй его знает. Даже брата туда не пускал, а они все мечтали попасть в эту часть его жизни. Я, я... мне только кажется... – размахивает руками, пытаюсь что-то предположить.

Мне страшно, но с этим чувством я привыкла бороться. Ведь страх сопровождает меня практически каждый день, когда я принимаю решения о сделках в его бизнесе.

– Давай без "кажется", говори, что знаешь, – говорю спокойно, не теряя голову в безрассудстве. Тушу сигарету, она не принесла никакого удовольствия, начинает болеть голова.

– Кажется, что я был на паре таких встреч, – успокаивается, протирает лицо ладонями и садится обратно, прикуривая сигарету. – В Эмиратах и в Америке. Помню приблизительно тех, с кем придётся общаться, – выдохнул дым. – Я найду, постараюсь прежде, чем они все узнают о тебе. Будет шанс, Слав, открыться первыми, а там будь что будет.

– Хорошо, раз это дерьмо моё, надо что-то сделать с этим. Пора, значит, вступать в мужские игры, – допиваю свой потеплевший напиток.

– Для начала нужно проверить, на месте ли товар, который здесь, – докуривает до фильтра.

– Завтра, сегодня? – обречённо вздыхает, ведь не имеет смысла оттягивать неизбежное.

– Завтра давай, сегодня хочу море хоть увидеть, – мечтательно смотрит в сторону пляжа.

– А точно! Ты же в океане не купался, четыре года на островах прожить, – удивляюсь, вставая и направляясь к авто.

– Слав, ну так-то океан, – смеётся позади. – Парни, погнались, наша дама не в духе.

В этот раз на вечернюю поездку к другу Бадри с нами подписал Яр с камерой и кучей разных вещей для съёмок. Местность он уже посмотрел на картах, вдохновлён до невозможности.

– Сегодня покажу ему твой вариант, интересно, что скажет, – Бадри с любопытством наблюдает за Петровым; видно, что ему некомфортно рядом с этим брендованным во всех смыслах Эросом.

– Да, я всё-таки предложила бы тебе на свою защиту поработать с реальным проектом, тем более ты его видел, – пытаюсь отвлечь его или себя.

– Оу, Лана, здесь проще, понимаешь? Можно ошибаться на макете, и это не будет стоить сотни тысяч долларов, – то и дело от волнения поправляет ворот синей клетчатой рубашки.

– Бадри, бизнес строится на ошибках, невозможно всё делать идеально, не в нашем возрасте, по крайней мере, – подбадриваю его, паркуюсь возле магазина.

– Согласен, но я посоветуюсь для начала, – покраснел, взял свой новый рюкзак и выскочил из авто.

– Чёрт, забыл спросить у него, – цокает Яр. – Интересно, а травка у них в магазинах продаётся? – так легко об этом говорит.

– Ты не охренел, дружок? – возмущаюсь, оглядываясь на занятого телефоном Матвея.

– Так легально же, – пожимает плечами.

– Ещё раз, Петруччо, и домой ты пешком пойдёшь. Прогулашишься, мозг проветришь. Попросим Бадри тебе карту нарисовать и потопаешь по травке, – кричу шёпотом.

– Лан, ты и так смущаешь паренька, – пожурил друг, попытался перевести всё в шутку. – Трогай выше – откашлялся, понял, наверное, по взгляду, что не прокатило.

– Я не специально, он правда очень умен, – подхватываю тему, пока Мот не опомнился, поехала вверх по улице, проезжая мимо двухэтажного белого дома учителя.

В который раз восхищаюсь природой вокруг и размеренному темпу жизни. Меня привлёк силуэт высокого седого мужчины с широкими плечами. Его волнистые волосы зачесаны назад, он опирается на трость и хлопает Бадри по плечу. Сердце защемило, напоминая об утрате.

– Лана! – крикнул Яр.

На дорогу выскочила собака, я резко ударила по тормозам, привлекая к нам внимание.

– Ты в порядке? – около меня оказался Бадри; его руки подняли моё лицо. – У тебя нос кровоточит, ты ударилась?

Какие-то крики на грузинском языке. А я ничего не чувствую; перед моими глазами только он, мой мёртвый муж.

Тамара с аптечкой, все что-то говорят, не могу разобрать, нахожусь в полусознании.

– Разойдитесь, перегрелась, наверное, – женский звонкий голос, что-то холодное и мокрое ложится на лоб.

– В больницу везём? – грубый голос, родной, рядом.

– Амир, – пытаюсь сказать и подняться, что-то сказать; руки свинцовые. – Амиран! – кричу, хочу услышать.

– Детка, его тут нет, – говорит Петров.

Тошнит, голова кружится.

– Парни, идите в дом, занимайтесь, я приведу её в чувства. Коба, забери мальчика, а ты, парень, помоги мне. Она не беременна?

– Тома, точно не нужно скорой? – снова он, где-то далеко.

– Амиран, – из последних сил проваливаюсь в темноту.

– Мать, давай, пугаешь! – взволнованный, дрожащий голос друга.

Резкий запах в нос. Открываю глаза, шурясь от алого солнца на закате. Полулежу в авто на заднем сиденье. Рядом Тамара и Ярик.

– Что со мной? – пытаюсь сесть.

– Помоги ей, что стоишь! – командует женщина.

Друг помогает мне сесть, снимает с меня бежевые босоножки на высоченной танкетке. Тамара подает воду, жадно пью, захлебываясь, струйки бегут по груди.

– Что произошло? – голова раскалывается.

– На, выпей, сознание потеряла, – подает мне таблетку, – долго на жаре была?

– Не знаю, – признаюсь, страх и осознание бессилия накрывают волной, не контролирую поток слез. – Спасибо вам большое.

– Не садись лучше за руль, девочка, – подает еще одну холодную тряпку для моего лба.

– Спасибо, – плачу, прижимаясь к ней, вдыхая такой родной запах молока и выпечки, запах дома, которого у меня больше нет. Осознание её жалости ко мне произвело комбо из чувств, что взрываются в моей груди, словно салюты.

– Ну что ты, дочка, – прижала к себе. Её белый сарафан с вишнями пахнет ванилью, и это отпечатается в моей памяти, кажется, надолго.

– С ней всегда так, родителей потеряла, – шепчет друг, стыдясь моей реакции.

– А где Матвей? – материнский инстинкт начинает работать.

– Он с мужчинами, с ним ничего не случится, не переживай. Тебе нужно отдыхать и больше пить воды, – посмотрела на меня с добротой в глазах, убрала волосы со лба.

– Давай, садись на пассажирское, я поведу, – друг помог мне расположиться рядом, опустил кресло и закрыл лицо холодным полотенцем. – Завтра поснимаем.

– Яр, – хриплю, усталость навалилась, оседая свинцом в конечностях.

– Да, детка, ты его звала, – обреченно говорит, смотря на дорогу.

Знаю, что сейчас он на грани, что хочет домой, хочет вернуть наши семейные вечера, но никогда не скажет об этом, не подаст вида, что сломлен, как никогда, и не покажется моей маме без меня. За своей болью я ощутила его боль, его жалость, его натянутые до предела нервы, его чулан с секретами, его потухшую страсть, и от этого мне стало невыносимо. Тяжело дышать.

– Будто слышала его, – нащупала руку с длинными пальцами, схватила и крепко сжала. – На выставке в Москве быть. Я могу вернуться.

– Уверена? Я только за. Ты же видела часть, и как тебе? – оживился.

– Это часть? – удивилась.

– Обижает, это неудачные снимки, – хвастает. Дурачок, люблю его. Если бы не он, вообще бы загнулась в этой "взрослой" жизни.

– Не представляю, что там будет... – подыгрываю.

– Вот и не надо. Тугушев будет счастлив, Лан. Похоронит вас, – выдыхает с грустью. Знаю, что он этого не хочет, иначе давно бы уже сделал.

– Да, я тоже буду рада раз и навсегда закрыть этот вопрос, – засыпаю, прощаясь с красивым закатом.

Глава 7

– Проснулась? – у холодильника стоит Рус в одних джинсовых шортах.

– Слишком эротично, ты бы прикрылся, – усмехаюсь, в голове картинка худого парня, а сейчас передо мной сам Аполлон, раскачанный, кажется, до невозможности, явно больше Тугушева.

– У тебя есть свои боги Греции, на меня не западёшь. И максимум Персей, – смеётся, отрезая дольку от яблока.

– Даже спрашивать не буду, откуда знаешь, – сажусь за стол, поправляя волосы.

– Слишком хорошо тебя знаю, Слав, – полез в холодильник.

– Что-то ты развеселел, друг мой, – не могу не заметить его хорошего настроения.

– Еды вот купил тебе, – рассматривает меня.

Поставил перед моим носом вкусно пахнущие дольки пирогов, сыр, рулетики и пряный кофе.

– Как в лучших ресторанах Лондона и Парижа, – сел на соседний стул, развернув его спинкой ко мне.

– Спасибо, – накинулась на еду, будто сто лет не ела. – Когда поедем?

– Ты в обмороке валялась несколько часов назад, я вообще думаю, это плохая была идея тебе всё рассказать, – продолжает хрустеть яблоком.

– Ну да, вот бы рабочие диву дивились, когда бы их туда послали делегацией, – смеюсь, представляя свою реакцию на этот случай. Я бы вышла из окна, явно.

– Мы пойдём на сделку: ты захочешь поехать в Москву, если всё получится. Тугушев будет против. Чёрт, да это целая война, – усмехнулся, в его глазах надежда. Даже не думай, дружок, что я не вижу, как ты жаждешь возвращения, и не понимаю, что сейчас ты умоляешь принять решение за нас обоих.

– А зачем мне возвращаться? Рус, всё потеряно, Амирана это не вернет, – нарочно строю из себя не понимающую дуру, хочу, чтобы он постарался решить сам, чего хочет.

Вспомнилась сегодняшняя реакция, неужели я была на грани?

– Ради мести, – предполагает.

– Тепло, мой друг, но нет. Я обещала Волку семью, насколько это возможно, и сама этого хочу с ним, – пожала плечами, допивая кофе из белой кружки, любуясь очередным рассветом.

– Ого, семью с Тугушевым, значит, – удивился. – Ладно, поедем сейчас, в такое время нас точно ждать не будут, – убрал со стола. – Иди переодевайся и обуй что-то удобное, а не эти ходули.

Мой выбор пал на черные велосипедки, длинную черную футболку и в тон к ним кроссовки, волосы зачесаны назад. Друг прав, мне надоело быть в тени, надоели эти рыжие волосы, хочу обратно, только ведь больше ничего там не осталось.

– Чего я ещё не знаю о покойном муже? – изучаю документы на пассажирском сиденье, реальные документы по грузу, который раскидан по складам в разных странах.

– Откуда ж мне знать? Я вот и не знал, что он тебе муж, – обидчиво цокает.

– Извини, никто не знал. Ты, Петров, Тугушев – волей случая. Да и не муж, мы же не расписались, – бубню, не хочу придавать этому слишком большое значение.

– Он жестокий, Слав, очень жесткий. Если что-то решил, оооо, – восхищается, окунаясь в воспоминания. – Это он всем рассказывает, что я его спас.

– А на самом деле? – складываю бумаги обратно в синюю папку.

– А на деле он позволил мне себя спасти, чтобы посмотреть, как я дерусь, как поведу себя. Не вмешивался – наблюдал. С его подготовкой он бы раскидал их на раз-два. Что тебе ещё рассказать про Беса? – стал серьёзней, словно другой Рус. Точно он вернулся туда, в Москву.

– Вы же дружили? Клубы? Бабы? Наркота? – хочу знать всё. – К чёрту иллюзии, друг мой. Я понятия не имела, с кем обвенчалась.

– Да, всё было, я видел его в разных состояниях. Забирал с оргий, где куча отборнейших самок: пьяного, под наркотой. Видел, как этот мужик отрывается. Настолько искушён, может быть, только дьявол. А на следующее утро – быть холодным, непредвзятым, расчётливым, независимым. Он сочетал в себе и семейные ценности. Как у него это получалось? Я думаю, просто у него не было до тебя женщины, которую бы он любил, – закурил.

В груди распалилась ревность, даже сейчас, когда его нет. Совсем его не знала. Неизвестно, что было бы с нами через год, два, десять. Такие мужчины не перестают быть вольными.

– Ревнуешь? – смеётся.

– А? – дернулась, вылетая из своих воспоминаний о горячем мужчине.

– Пачку сигарет в ком смяла, – забрал у меня. – Не ревнуй, хотя бы потому, что ты всего этого не видела. С тобой ему не нужно было. Мир да ему, блин, деньги не нужны были. Помню, как портрет твой ему домой привёз. Я тогда ещё заметил, что лед на сердце Амираана треснул: он показал ту часть себя, которую я никогда не видел. Да, наверное, никто её не видел никогда, – ударил по рулю.

– На долго ли? – усмехаюсь. Мне хочется обесценить своё появление в его жизни. Наверное, я до сих пор не могу принять тот факт, что этот мужчина меня любил, очень сильно любил.

– Мы никогда с тобой не говорили, но он потерял в Москве почти всё: много денег, статус, связи, брата, уважение семьи. Он пошёл на сделку с ментами, – прокашлялся, – с твоим отцом, не зная, что это ему принесёт. Твой папа, мягко говоря, непредсказуем.

– Это я и так понимала, Рус, – неприятные мне разговоры очерняют второго любимого мужчину, которого я потеряла незадолго до того, как его убили.

– Он это делал намеренно. Восхищаюсь его желанием быть с тобой, – продолжает.

– Его желания неоспоримы. Всё ради себя, – сцепляю зубы, несущую, но так мне легче себя успокоить, нежели признать, что я потеряла того, кто искренне любил меня и жертвовал ради любви.

– Славка, ты подарила мне друга. Последний месяц мы были близки, почти как братья, – на его лице улыбка, в голосе ностальгия.

– Значит, ты знал его планы? – пытаюсь не расплакаться, блокируя все воспоминания о красивом мужчине, но так жажду услышать: «Что было бы, если...»

– Да. Купил квартиру для вас, показывал её мне и Петрову. Тот помогал обставлять, да и я руку приложил, – пожимает плечами.

– Дурацкий комод, о который я спотыкаюсь? – тихо смеюсь, подтверждая свои догадки.

– Он, ты меня знаешь, сестрица, – улыбается во весь рот. – На очереди вилла была или квартира в Риме. Всё переживал, вдруг тебе в Париже понравится, и ты захочешь там остаться: детскую планировал, гардероб совместный. Слав, он вещи тебе покупал, всё приговаривал: «Моя гого, моя гого». В ажиотаже были мы все, чтобы успеть к вашему прилёту из Москвы, – грустит, жмуря глаза.

– Вот мы и прилетели, мне тоже его не хватает, – кидаю в рот пару мятных драже, вспомнив его смех.

– Да, мне тоже, – заглушил мотор возле большого амбара где-то в горах.

– Я его любила, – выдохнула. Не знаю, зачем и почему мне захотелось признаться, но я это сделала.

В машине на этих словах повисла небольшая пауза, в которой каждый думал о своём. Я думала о том, что он и правда любил меня, всем сердцем любил.

– Пошли, вроде никого, – засмотрелся на меня как-то странно, вид задумчивый.

– Да, иначе скоро совсем рассветет, – поправляю высокий хвост.

– В бардачке ствол, возьми, подруга, – спокойно говорит, нагибаясь к сиденью, чтобы достать ещё один черный Walther P99. – Генерал из такого стрелять учил? Или у него Макаров был?

Верчу в руках оружие. Тысячу лет не держала, очень странное ощущение, ведь сейчас мы не наденем наушники и не будем целиться по мишеням. Это как после теории выйти на практику: металл кажется особенно холодным, а тяжесть неподъёмная.

– Нет, П—96С, не знаю уж, чем он ему так нравился, – стараюсь отогнать мысли о возможной стрельбе и поднявшуюся от волнения тошноту.

Рус прихватил лом, и мы направились к большим дверям с амбарным замком. Пара минут – и преграды нет, есть только огромное помещение с сотнями деревянных и пластиковых ящиков.

– Ты только если что не пасуй, чую я что-то, – не успел договорить, как послышался шум подъезжающих авто.

– Рус, черт-черт, – сердце грохочет две сотни ударов в минуту, стараюсь взять себя в руки.

– Слав, спокойно, не пасуй, выбора у нас не будет, – взял мои руки в свои и пытается успокоить, дыша со мной: вдох-выдох-вдох.

Послышались голоса; говорят не на русском, не английском и не итальянском.

Черт! Может, это Нике? Прижалась спиной к деревянному ящику недалеко от входа, сжимаю в руке пистолет, вспоминая, как стреляла по мишеням.

– Кто там? – шепчу.

– Какие-то бородатые, – глаза бегают, следит из нашего убежища.

– Папа? – в надежде уже прокручиваю план действий.

– Нике только, – свет от фар прекрасно подсвечивает всю концентрацию на лице друга. – Да, Нике.

– Знать бы, о чем говорят. Они же засекли машину? – начинаю нервно кусать губы, чувствуя металлический привкус во рту.

– Не знаю, Слав, не пасуй, если что, хорошо? – нервничает, и нервы эти мне передаются воздушно-капельным путём.

– Я поняла, поняла, – страх отступил, в крови появились холодные нотки разума в перемешку с жадой мести.

– Кто здесь?! Выходите, и мы вас не тронем! – с явным акцентом.

– Что делаем? – продумываю план отступления, ищу глазами окна, пытаюсь разглядеть в полумраке.

Ничего не говоря, друг выходит из убежища, выставляя пистолет перед собой, целясь в противника.

– Ну привет, друзья, – останавливается в десяти метрах от противника.

На эмоциях повторяю за ним. Лица этих ублюдков надо видеть: удивлены, их застали врасплох.

Торнике и какие-то два высоченных хмыря, все одеты прилично: Armani, туфли начищены, словно они с банкета.

– Руки выше, мне терять нечего. Я вас здесь всех завалю! – ору, срываюсь, хочу стрелять, стреляю в пол, раз-два.

– Успокойся, дура! – вздрагивает Нике. Все задрали руки вверх, стоят, лупают своими глазками; справа зашевелился амбал в чёрном.

– Стоять, я сказала, – стреляю чётко, ровно в плечо, и он вопит на своём, – ещё кто-то хочет? – тычу дулом на всех по очереди.

– Ты не ахуела ли, девочка? – возмущается Нике. – Ты как здесь? Ты должна в земле лежать. Нам всем обещали, что ты в земле покоишься с миром.

– Стой где стоишь, мне терять нечего, – подхожу к нему ближе, – срать я хотела на то, что вы, это мой товар, на моё имя, убирайтесь вон!

Второй рыжий амбал подходит к нему и задаёт какой-то вопрос, указывая пушкой на меня. Нике что-то отвечает, мне страшно, потому что я ничерта не понимаю из их разговора; страх заставляет терять бдительность и дрожать.

– Ты хоть знаешь, что это за люди, дура? – злится жирдяй, ему бы не помешало убрать своё огромное пузо; совсем уже зажрался, растрачивая состояние брата.

Только хочу ответить, как в амбар входит ещё один до боли знакомый персонаж.

– Какая встреча! – растягивает слова и противно улыбается кучерявый ублюдок в чёрных брюках и белоснежной рубашке с закатанными до локтей рукавами.

– Слав, встань за меня, – скомандовал Рус и загородил своим телом.

– А что ты прячешься, русская шлюха? – разводит руками и приторно смеётся. – Здесь папочки-мента нет.

Закипаю и прежде чем подумать, стреляю в пол. – Рот закрой!

– Ахахаха, – веселится, – раз уж свиделись, хочу тебе историю рассказать о последних часах твоего мужа, – потирает перебитый нос.

Делаю глубокий вдох, а выдохнуть не могу; так и застываю, все чувства на паузе.

– Я тебя пристрелю, – говорю спокойно, ощущая слёзы на своих щеках. – Мне терять абсолютно нечего.

– Он когда на цепи в свинарнике сидел, тоже так говорил, думая, что ты сдохла, – шипит, смотрит прямо в глаза, пытается задавить, задеть.

– Аааааааааа, – стреляю трижды в пол, целюсь в кучерявого, идя прямо на него. – Закрой свой рот и молись Богу, – рука дрожит, кажется, что не смогу вот так убить, не смогу; он смотрит мне прямо в глаза, и я теряюсь.

Раздался телефонный звонок. Вытираю нос тыльной стороной ладони.

– Отвечай своим подельникам и говори, что пришла хозяйка товара, и что все сделки теперь только со мной, – слежу внимательно, как достает телефон, отвечает.

– Привет, Давид, – кажется, он рад; его плечи опускаются, тело приходит в расслабленное состояние.

– Я на мушке у Вольной и её пса, – плюет в сторону Руслана, который стоит в стойке с оружием, абсолютно безэмоционален.

– Отпустить? Она возомнила себя хозяйкой товара, – хмыкает.

– Нет, мы так не договаривались. Здесь Адам и его брат, – расхаживает взад-вперёд, пока Нике уводит раненого на улицу. – Твоя сука подстрелила Али!

– Ты серьёзно? Блять, ты серьёзно? Ты понимаешь, чего это будет тебе стоить?! – отключается, злой, кладёт телефон в карман своих брюк.

Смеётся, показывая свои кривые зубы. – Не добил тебя тогда, суку, до сих пор жалею, но зато с ним порезвился! – скалится с презрением и яростью во взгляд.

– Я запомню, – расправила плечи, уверенности во мне поприбавилось.

– Говори спасибо Тугушеву за свою жизнь, – плюнул на пол и вышел из амбара. Когда второй высокий мужчина, видимо, Адам, подошёл ко мне ближе, чтобы рассмотреть. Второй брат похож на неотесанную скалу с широким подбородком, орлиным клювом и впалыми глазами.

Стою в стойке, приросла к оружию, дрожу, а от него веет смертью и безграничной властью. Он дышит словно бык после родео.

– Бес мёртв, – плохо говорит на русском. – Но мы ещё встретимся, – разворачивается и выходит.

– Слав, всё, – друг осторожно освобождает мои руки. – Ушли, – прижимает к себе. – Давай, дружочек, приходи в себя.

Рыдаю, выпуская эмоции; всю трясёт, мысли в голове бегают. Они ведь могли нас прямо тут порешить. Его «Бес мёртв» как ведро ледяной воды. А он ведь и правда мёртв, вот сейчас прям мёртв. Осознание накрывает меня, заставляя целый пласт сдвинуться с места. Кажется, у моего домика едет крыша. Только сейчас я ощущаю, насколько мой муж был горой, которая защищала меня от всего и всех.

– Да, слушаю, – жестко отвечает Рус.

– Она не может говорить, дай ей время, – кладет трубку. – Пошли, – выводит меня из амбара, запирает дверь, звонит кому-то, не слышу, о чём говорит. В голове только слышны реки крови, что несутся по венам и молотками бьют набат в ушах.

– Это был Волк? – смотрю, пропущенные в авто. – Охрану к амбару назначили?

– Да, – заводит мотор. – Не говори ему ничего, встретимся в Милане и обсудим.

– Не могу, он нас спас, – набираю номер, постепенно приходя в себя.

– Привет, – отвечает жестко, слышны удары по груше.

– Привет, – жду, пока начнёт, потеют ладони от волнения.

– Какого хера ты полезла туда? Руслана? – чеканит, выделяя каждое слово. Его «Руслана» означает только, что он зол до предела.

– Этот ублюдок знал, что я жива, вы в сговоре?! – обречённо вздыхаю, откидывая голову назад. Лучшая защита – это нападение, а моё нападение заведомо проиграно.

– Нет, попридержи коней с обвинениями, – слышно, как пьёт воду из поилки.

– Одно из условий вашей сделки была моя жизнь, не ври мне! – ору, подкуриваю, открывая окно и выпуская первые лучи солнца.

– Остановись, Руслана, ты сейчас жива только потому что я позвонил, имей уважение, – размеренно, не отрицает, пытаюсь уловить суть.

– Послезавтра я буду в Италии... – пытаюсь закончить, не хочу больше пустых разговоров, устала.

– Буду ждать, – сбрасывает звонок.

Мы не ругались за эти пять лет ни разу. Ни одного чертового раза. Как же всё это мне надоело, это тяжёлое прошлое.

Наблюдаю за рассветом, первые лучи солнца появляются на небе, слышно пение птиц. Вдыхаю табак, позволяя ему заполнить все легкие, думая, что так будет легче, но воздух всё не приходит.

– Вот это ты дала жару, – по салону разливается звонкий смех Руслана. – Даже мне стало страшно.

– Бойся, я жалею, что не убила его, – достаю вторую из пачки, прикуривая от первой.

– Остановись, – вырывает из рук, затягивается. – Подстрели ты его, и живыми мы бы не вышли. Вол...

– Не нужно, пожалуйста, – перебиваю, стыдно. Знаю, что переборщила. Стыд вперемишку с ответственностью накатывают волнами на беспокойный разум.

Весь следующий день мы заняты прихотями Петрова, что здорово отвлекает и прогоняет мысли о предстоящем разговоре с Тугушевым. Благодаря Бадри мы посетили ещё несколько красивейших мест, сделали много фотографий.

Уговорила паренька взять шефство над проектом с теперь уже полупустыми амбарами, передала макеты и документы; через неделю первая видеоконференция. Я уезжаю, полностью

довольная собой; от стыда и разочарования не осталось ничего. Бес и правда умер для меня. Я и правда это осознала. Легко ли это признавать? Нет, не легко.

Последний вечер здесь встретил меня алым закатом. Мои мальчишки ужинают на террасе чем-то вкусным: Руслан, Матвей, Бадри и Ярослав, который не расстаётся с ноутбуком, вплотную занялся подготовкой московского проекта.

Села за стол, хватая кусочек сыра.

– Повар, мне, пожалуйста, омлет! – вот так легко и весело впервые за долгое время.

– Приятного аппетита, сударыня, – Рус подал мне тарелку с вкусно пахнущим омлетом с зеленью и сыром; желудок заурчал в предвкушении лакомства. Надо наладить питание, иначе мне с таким темпом недолго осталось.

– Благодарю, сударь, – улыбаюсь во весь рот, ловя момент; и никого мне не хочется впускать в этот мир.

Мужа. Я словно только сейчас проснулась и осознала, что у меня был мой целый муж. Мой Амиран Бессарионович Тваури, который оставил мне всё это. У меня была любовь, моя первая любовь. Улыбаюсь солнцу, это ведь прекрасно, освобождает. Кажется, с этим принятием я готова лететь к Давиду Робертовичу и отдавать холдинг в руки директорам. И даже стать мамой.

– Бадри, мы улетаем сегодня ночью, и у нас будет для тебя подарок, – заглянула в карие глаза, которые выдают скорее отчаяние, чем удивление.

– Лана, не нужно, правда, мне неудобно принимать подарки, – как всегда при волнении начал теревить крестик на груди.

– Мот, – кивнула в сторону его комнаты, где хранится сюрприз.

– Понял, ма, – сын рванул с места со скоростью 3 секунды до 100.

– Не отказывайся, прошу тебя, мы все к этому причастны, – указала на всех присутствующих, пнув под столом Яра, заставив оторваться от важных дел и киваться.

– Да, все поверь мне, – заверил он, закатывая глаза, потому что покупал его по моей просьбе, и бант тоже.

– Бадри, открывай, – Матвей затаился, ожидая реакции; это так чисто и мило – его радость за друга. Мой мальчик, я так горжусь им.

Рус сел напротив меня, закусив губу и подмигивая. Все захвачены этим моментом, будто принимаем в нашу семью новичка; будто жизнь вновь заиграла красками, а ветер с благоговением наполняет наши паруса и несёт к горизонту, полному счастливых перемен.

– Лана, нет, я не могу принять, это очень дорого! – Бадри положил коробку с ноутбуком на стол и сложил ладони вместе, умоляя о чем-то.

– Бери, парень, даже не думай; у этой девочки дохера денег. Один самодовольный мужик оставил ей миллиарды и свалил в мир иной, она может себе это позволить, – цокнул Рус, и это меня удивило, как он отозвался об Амиране. Смелая шутка, которая больше не задевает.

– Бери, давай будем считать, что это вклад в будущее, это мои инвестиции в тебя, – хлопнула в ладоши.

Сын налетел на него. – Бадри, я буду тебе звонить каждую неделю, чтобы не так сильно скучать, можно?

– Вот же манипулятор, и у кого он научился? – удивился Яр, отпивая кофе из белоснежной кружки.

– У Волка, больше не у кого, – пожала плечами, подмечая иногда нездоровое мужское влияние.

– Можно, конечно, спасибо, Руслан, – мальчик взял меня за руку. – Ты фея-крестная, вы все сделали моё лето незабываемым, – глаза блестят, улыбка до ушей.

Сердце трепещет от восторга. – А ты наше, – мы налетели на него, обнимая со всех сторон; присоединились даже парни.

Самолёт набирает высоту, Рус работает напротив меня на своём ноутбуке, Матвей мирно спит в большом кресле, Петров планирует дизайн и бухтит, что-то себе под нос, а я пью виски – горький, терпкий, старый виски, как любил мой муж. Смотрю в окно на огни Батуми и дышу спокойно, оставив весь багаж прошлого там. Ещё неделю назад казалось, что я буду возвращаться сюда снова и снова, а сейчас скажу: «Нет, я больше не полечу», эта история прожита и пережита.

Глава 8

– Да, он не звонит мне совсем, – шарюсь в холодильнике в поисках какой-нибудь еды. Последнюю неделю жила в офисе, улаживая вопросы с документами по проекту. Оружие оружием, но это всё-таки большой бизнес с авто, и они там есть; склады нужно освобождать, всё приводить в порядок.

– Он сейчас в Москве, – ответил Рус, что-то печатает.

– Надеюсь, у него нет проблем из-за моей выходки, – поправила чёрный длинный шелковый халат, открывая на ноутбуке сайт с доставкой.

– Он их решит, – не хочет больше рассказывать.

– Что делать с товаром? – выбираю пасту. – Мот, будешь пасту с морепродуктами? – кричу в пустоту; не отвечает.

– Давай, привезу, я собираюсь выезжать, – звенят ключи.

– Да, давай, – иду в поисках моего мальчика, заглядываю в гардероб. – Паста с морепродуктами? – застываю на месте; картина меня удивила. Матвей в сером трико рассматривает нашу помолвочную фотографию.

– А, да! – испугался, дернулся, покраснел.

– Две с морепродуктами, вино есть, ждём, – отключилась.

– Что ты делаешь? – стараюсь быть спокойной. После поездки он ведёт себя как-то странно. Его поведение меня тревожит.

– Ничего, Лан, – глаза бегают; явный признак вранья.

– У нас же нет секретов? – накрываю фото простынёй и убираю обратно в шкаф.

– Нет, я просто хотел посмотреть, красивая фотография, – отводит в сторону глаза.

Точно врет, но настаивать не хочу на ответе; если мотивы и есть, то они вполне безобидны.

– Рус приедет через полчаса с едой, – намекаю, чтобы вышел; мне нужно одеться.

– Ты теперь с дядей Русланом? – смущается, опустив глаза в пол.

– Нет, Руслан – мой старый друг. Дружочек, ты из-за этого расстроен? – обнимаю, прижимаю к себе и с облегчением глажу по волосам.

– Да, мне казалось, – зеленые глазки смотрят на меня с надеждой.

– Давай в следующий раз поступим так: если ты в чем-то сомневаешься, то спрашиваешь у меня, хорошо? – целую его в макушку.

– Да, мам, извини, – обнял.

– Тебе Руслан нравится? – улыбаюсь.

– Да, он смешной, – улыбается в ответ; обстановка налаживается, я расслабляюсь.

Выбрала широкие хлопковые штаны и футболку серого цвета.

– Ты спаситель, – уплетаю пасту за обе щеки, запивая белым сухим вином. – Я из офиса не вылазила.

– Твоя, наша, – мнется, не может сказать. – Я про сделку, – выдал на одном дыхании.

– Не знаешь, что делать с этим дерьмом? – вытираю рот белой салфеткой.

– Ты права, а ты знаешь, что делать? Вернуться не хочешь? Сейчас все карты на это у тебя есть, – смотрит искоса, попивая вино, вальяжно раскинувшись в черном спортивном костюме напротив.

– В Москву-то уж точно, – улыбаюсь, а потом вспоминаю маму; отчеты по ней, кажется, что она всё пережила и достаточно счастлива. Как я явлюсь?

– Не хочешь его фамилию взять для сделок? – поставил локти на столешницу.

– Чью? Если это поможет никогда не сталкиваться с этим мерзким кучерявым уродом, я только за, – полоскаю рот вином.

– Он держит все бордели сейчас. Девочек поставляет во все щели мира, – качает головой.

– Надоело мне всё это, Рус. Тугушев же не выйдет из этого никогда? А Москва нам нужна, надеюсь, сделка поможет вернуться, – огорчаюсь; буря эмоций прошла, осталось одно разочарование. Видимо, вино подействовало на меня не лучшим образом.

– О чем ты? – качает головой. – Женщина, избавься от этого дерьма как можно скорее и забудь, как страшный сон, – брови сходятся на переносице.

– Ты не понял, я не о деньгах, – закусываю губу. Рассказать? Не рассказать? Вечный вопрос, но более подходящего времени не будет.

– Слав, тут я не с тобой; максимум попробую помочь совершить сделку. Я больше не хочу в этом участвовать. Хочу спокойно жить, может быть, семью завести. Надоело по бабам мыкаться, – смотрит в глаза, вытирая рот салфеткой.

– У меня для тебя есть кое-что, другой мой, только обещай мне, что не убьешь меня? – слежу за реакцией, прячась за своим полупустым бокалом.

Серьезный, глаза превратились в щелочки.

– И? – сжимает кулаки.

– У Петрова выставка в Москве через две недели, летим вместе, – долила ещё вина. – Покажу, – цокаю языком о небо.

– Ты играешь в игру, как заинтересовать идиота? – хлопнул по мраморной столешнице.

– Ага, – улыбаюсь нервно. – Завтра расскажу, – смеюсь.

Уловил моё настроение, улыбается.

– По сделке постараюсь всё организовать на этой неделе. Только ты должна знать, братья Гоевы будут присутствовать, – следит за моей реакцией.

– Гоевы? Чеченцы? – не понимаю. – Им что, там своего оружия мало?

– Слав, ну ёк макарёк, – обречённо вздыхает. – Дело-то не в этом, а в том, что ты плечо одному из них прострелила в прошлом месяце, – махнул рукой и встал со стула.

– Твою мать, – опираюсь лбом о сложенные ладони. Вот это поворот, неужели нельзя что-то легче придумать?

– Но тебе везёт, товар им нужен больше, поэтому они не сильно будут предъявлять за пулю, которая прошла на вылет, – задумчиво стучит пальцами о деревянную спинку стула.

– Ага, сделку заключим, и они замочат нас, – шепотом проклиная всё на свете.

– Слав, ну ты фильмов насмотрелась? Нет, – мнется, что-то не договаривает. – Они будут с Волком разбираться, это на их уровне.

– Что у них было с Бесом? – поднимаю глаза и внимательно слушаю друга, отмечая про себя, как красиво за окном и на нашей цветущей террасе.

– Насколько я знаю, Бес с ним был в деловых отношениях, – пожимает плечами. – Но хрен этого мужика знаешь; с ним все старались быть в деловых отношениях, – психует, хрустя пальцами.

– Извинюсь, так уж и быть, что им надо послать, цветов? – хлопаю ладонью о столешницу.

– Славка, ты должна понимать, что Тугушев не имеет права влезать в сделку; там будем только мы с тобой, – дергается, нервничает.

– Прорвёмся, – отпускаю всё на самотёк, всё, что могла, я уже не сделала. – Где будет проходить? В Милане, я надеюсь?

Пожал плечами.

– Я дочь честного мента; должна участвовать в этом террористическом акте, твою ж мать, – грызу ноготь большого пальца, сложив руки на груди.

– Ой, ну не начинай; а был бы он жив, муж твой, ты бы с ним жила. Ну считай, хобби у него такое, это последняя партия, – смеётся.

– Хобби? – удивляюсь. – Нормальные мужики на рыбалку ходят. – Вспоминаю, как генерал-майор пару раз таскал нас на свои скучные развлечения.

– Ты выбрала не того мужика, Слав. У одного оружие, у второго модели, – взял зеленое яблоко с тарелки. – По всем психологическим критериям чего-то тебе папка-мент недодал в детстве, – откусил смачно фрукт.

– Пиздюлей, – бую себе под нос. Ситуация патовая, но возможности она даёт мне колоссальные; как минимум узнать этих братьев.

– Бадри! – вспоминаю насущный вопрос. – Готовы все документы по проекту? У тебя СБ всё прошли, и он? – втягиваю воздух, пытаюсь отвлечься на новую тему.

– Да, и чего ты так в него вцепилась? – не понимает, или это какая-то дружеская ревность.

– У него потенциал, решения как у Тваури, и я устала вывозить всё сама, – ставлю кофе в турке.

– Ты не думала...

– Продать? Да, думала; после сделки готовлю пару назначений, – разливаю по маленьким чашкам.

– Слав, ты чи кофе варить научилась, – удивлённо подносит маленькую белую чашку к носу, осторожно вдыхая аромат.

– Волк научил; терпение у него не занимать, – скучаю по нему; его игнор выводит из себя. Не переживу, если он из-за меня во что-то встрянет.

Волк не отвечает на мои звонки, на звонки Руса и моего секретаря. Петров не видел его, сказал, что тот куда-то срочно улетел. Ну что, девочка, мы и не надеялись, что склады сами собой рассосутся и что рыцарь прискачет к нам на белом коне.

– Да, – коротко отвечает Рус на телефонный звонок, сидя на переднем сиденье черного «Роллс—Ройса».

Меня раздражает абсолютно всё: от черного платка на голове до черной шелковой узкой юбки ниже колен с хорошим разрезом сбоку. Кто меня надоумил одеться во всё черное? Хорошо, что шелк, иначе, кажется, я бы сварилась; за бортом точно больше 30 градусов.

– Понял, – сбрасывает звонок, снимая свои очки-капли от RayBan.

– Что? – киваю, не удосужившись открыть лицо.

– Слав, эти очки совсем не прозрачны, ты же понимаешь? – старается улыбаться, но его волнение гуляет по всему салону вихрем, и это чувствую не только я, но и водитель-араб в черном костюме.

– Понимаю, знаешь, я не каждый день торгую всяким дерьмом, – придвигаю к себе серую сумку с подставными бумагами для банка.

– На сделке должны быть мы, братья, представитель банка... – затягивает, поправляя синий пиджак, который ему в обlipку.

– Дато? – мысленно готовлюсь к тому, что мне придётся пережить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.